

18+

Валерий Морозов

**ДОМ
ОКНАМИ
В ПОЛНОЧЬ**
исповедальный роман

Валерий Морозов

**Дом окнами в полночь.
Исповедальный роман**

«Издательские решения»

Морозов В.

Дом окнами в полночь. Исповедальный роман / В. Морозов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558456-4

Общеизвестно, любви покорны все возрасты. Но только первая любовь — всегда суть последняя. Как бы не удалялась она в бытийном пространстве, зеркало памяти цепко держит ее в своих границах. Первая любовь безжалостно, быстро оставляет нас, вскружив юную голову на ничтожно малый промежуток времени. А не хватает порой и всей жизни, чтобы ее забыть.

ISBN 978-5-00-558456-4

© Морозов В.
© Издательские решения

Содержание

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛНОЧЬ	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дом окнами в полночь Исповедальный роман

Валерий Морозов

© Валерий Морозов, 2021

ISBN 978-5-0055-8456-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛНОЧЬ

(Исповедальный роман)

Часть первая

*«Блюдите убо, како опасно ходите...»
(Еф. 5:15).*

По логике вещей, если хуже быть уже не может, дальше должно быть только лучше? Однако...

До конца не верилось, что из-за этакой малости он погонится за мной. Посмеётся, подсадет, да и махнёт рукой. Отбежав от злополучного кафе пару закоулков, я притёрся спиной к какому-то сараю и затаился перевести дух. Сердце, надорванное дальними пешими переходами, прерывисто бухало в левую пазуху. Убедившись в миновавшей, казалось бы, угрозе и шаркнув полупустым рюкзаком по нагретым доскам, сполз расслабленным телом на жухлую траву. Послеполуденное солнце успокоительно смежило мне веки. И тут!

Железной дланью он ухватил безвольную сущность мою за грудки, легко, словно рычагом манипулятора, оторвал от земли и притянул к своему лицу. От здоровенной лапищи, сжимавшей мой куцый пиджачишко под самое горло, несло соляжкой.

– Ну что, бомжа вонючая, – почти шёпотом говорил этот праведник, – хорошо пообедал? Только вот беда, ты десерт забыл. А я не поленился – принёс! – И залепил свободной рукой такую оплеуху, что разбудил в голове пасхальный перезвон. – Как же, думаю, он без сладенького? Давай ешь, да не обляпайся, фря неумытая! – Да и! По второй скуле!

Удушающий рычаг впечатал меня затылком в гулкий сарай, и у того аж загудели дощатые стены. Манипулятор отряхнул ладони и накинул на плечо спадающую лямку комбинезона:

– Еле догнал ведь паразита! Экий пострел. А с виду доходяга...

В ушах гудел набатный рельс. Потускневшим взглядом я с усилием различал, как сквозь радужные разводы дня удаляется платформа спины моего обидчика, гордо уносящего с собой полноразмерную сатисфакцию.

«Господа секунданты, – хотелось воскликнуть ему вдогон, – господа, донесите этому бретёру, что есть право последнего выстрела. Это право остаётся за мной. Необходимо, чтобы он это знал! Чтобы с этим жил! Прощу вас, господа!»

Было ли мне унижительно? Пожалуй, нет. Да и кто всё это видел? Физическая боль? А мало ли пришлось принять её по жизни? Оскорбления, мат в мою сторону – это вообще, как от стенки горох. Теперь уже и не вспомнить, когда я позволил себе не возбуждаться по этому поводу, а то и просто не брать подобное в расчёт.

Воистину, если вода уже выше головы, то совсем не важно, насколько!

Но где-то в глубине путаных размышлений трепыхалась непонятная назойливая мерзость. Чем-то он достал меня, этот Железный Дровосек. Немного поднапрягшись, докопался. Теперь я эту мерзость не только понимал, но и обонял. Манипулятор прав – от меня пахло. Даже не пахло, а откровенно воняло, источая гадкое амбре.

Липкими носками в стоптанных ботинках и пропотевшей до соляных разводов рубашкой. Немытым телом и пожелтевшим нижним бельём. Давно не знавшими ухода подмышками и паховой областью. Нечищеными зубами и отрыжкой от случайной бросовой еды... Внешне образ дополнялся спутанной шевелюрой, скрывавшей расчёсанную до коросты шею и засаленный воротник пиджака. Потасканными, забитыми дорожной пылью портами с пузырями на коленях и «бахромой» по низу брючин. Ведь умудрялся как-то не замечать всего этого. Свыкся. Пустому карману дыра не помеха?

Но если уж всё расставлять по своим местам, то справедливости ради нужно признать – ну да, виноват! И в праведном осуждении можете плюнуть мне на захватанный лацкан. А разобратся, равновесен ли мой проступок пошлому мордобою? Я зашёл в эту придорожную чай-

хану просто потому, что крайне устал и был невыразимо голоден. Запах пищи притянул, как магнитом. Но денег-то всё равно не было, значит, под вывеской харчевни можно лишь передохнуть в человеческих условиях, а не на земле. Сегодня ни одна собака не притормозила, чтобы подбросить усталого путника. Плечо аж занемело держать на весу руку, обозначая «автостоп». Да, собственно, кому захочется сажать незнакомого оборванца в кабину?

Наконец, выпрашивать милости надоело и я, понунив голову, всё же добил пешим аллюром двадцать километров ухабистой обочины, разделявшей эти достославные казахстанские городишки, названия которых не знал, да и знать не хотел. Мне важно было лишь держать верное направление. Наскребя по карманам последней медной чепухи, купил стакан чая, сел за столик у окна, накидал из вазочки сахара с «походом» и с наслаждением подогнул под сиденье ноги.

На кафе, в общепринятом понимании, эта забегаловка с круглолицым чайханщиком за стойкой не тянула никак. В открытые окна несло подгоревшим мясом из самопального мангала и выхлопным смрадом от прибывающих и отъезжающих машин. Интерьер составляли шаткие колченогие столы, крытые цветастой клеёнкой, да металлические стулья, издающие противный скрежет трубчатыми ножками о плиточный пол. Под потолком мотались жёлтые спирали липкой ленты, густо обсиженные мухами и длинноногими комарами. Человек пять шофёров томились в очереди, с тоской обзревая пыльные ряды пивных бутылок за спиной у «бармена».

К моему столу, сосредоточенно глядя в поднос, заставленный едой, подошёл один из дальнобойщиков габаритами, не соврать, с трёхстворчатый платяной шкаф. Выставил тарелки и сел напротив, заняв локтями чуть не всю столешницу. Растёр громадные ладони в предвкушении трапезы, посмотрел на меня, улыбаясь, и стал есть.

Медленно проворачивая ложечкой в гранёном стакане семь или восемь кусков рафинада, я безучастно отвернулся в окно. Сосед перевёл взгляд туда же и вдруг забеспокоился – одна из машин мигала аварийными огнями. Он вскочил, оставив еду, и надал к выходу, задев визгливые стулья.

Что там случилось, мне было наплевать. В голове вдруг образовался едва различимый звон. Он постепенно усиливался, обволакивая меня волнующейся сферой, за границами которой не существовало буквально ничего. Весь мир сосредоточился внутри. Запах, источаемый пищей, разрывал обоняние. Я с ужасом глядел на чужую еду, расставленную прямо перед носом, ясно осознавая, что со свистом лечу в пропасть внутреннего грехопадения. В сомнамбулическом оцепенении взял его ложку и начал есть этот красный борщ с белой кляксой сметаны посередине. Таскал гущину, понимая затылком, что надо поспешать. Меня сейчас могли бы расстрелять, но заставить отказаться от котлеты, политой пряным соусом и одобренной укропчиком, было абсолютно нереально. Заглотив её почти целиком, допил через край жидкие остатки борща и встал, попутно загрузив в карман пиджака нетронутый хлеб.

На крыльце мы почти бок о бок разминулись с моим «благодетелем». Тот шёл, нервно отирая ветошью свои громадные кулаки. Я нарочито медленно дошагал до угла, повернул и задал стрекача.

Сидя на тёплой земле и осмысливая происшедшее, нечаянно осознал некую странность. За прошедший день этот человек был единственным, кто вошёл со мной в общение. Пусть даже в такой вот, «контактной» форме. И теперь мне его недоставало! Нет, совсем не хотелось нарваться на «повторение пройденного». И вопреки всякой логике чувство мести внутри не разгоралось. За долгие дни изнурительного перехода одиночество выело меня изнутри. Я жаждал общения. Хотелось в разговоре с ним отыскать хоть какой-то оправдательный мотив моему поступку, уловить хотя бы толику сочувственного понимания... И почему-то казалось, что Дуэлянт на это способен. Ведь не рисовался же, верша экзекуцию. Не орал, чтобы привлечь

внимание «общественности», не играл в поборника нравственности. Не избил ведь, а просто отхлестал негодя по щекам. По коренной такой, мужицкой манере – не доставлять наглецам удовольствия пребывать в эйфории безнаказанности за свои проделки.

Отряхнувшись и внутренне встряхнувшись, я двинулся именно туда, откуда недавно трусливо бежал. Мазохистская какая-то потребность, может, скажете вы.

С грузовиком и вправду случился непорядок. Кабина откинута фарами в землю, а «продавец рыбного отдела», что бесплатно отвалил мне пару полновесных «лещей», самозабвенно ковырялся в этом сложном автомобильном нутре, путаясь в проводах и шлангах. Я, наблюдая, тихонько встал рядом. Ремонтёр скользнул по моей фигуре равнодушным взглядом и продолжил что-то там закручивать. Но тут же сел, вытаращив глаза:

– Во, блин, – сказал тихо. – Нахалюга. Ты чё, за добавкой пришёл?

Я в ответ молчал, понурившись. Какие вопросы вызвало моё молчаливое присутствие у этого богатыря, Бог весть. Но спешившись со своего мастодонта, он подошёл и, пригнувшись, заглянул мне в глаза. Может, почудилось, что я хлюпаю? Ничуть ни бывало. Просто становилось интересно, что из всего этого выйдет. Как он выкрутится? Погонит?

Тот помолчал, вытер тряпкой руки и взял меня за рукав:

– Давай-ка присядем, малый. – Щёлкнул выпуклым ногтем по сигаретной пачке, – закуришь?

– Да нет, благодарствуйте. Как-то вот не приучился.

Мы примостились у забора на изношенных до корда бесхозных колёсах. Молчали, казалось, долго, бросая друг на друга взгляды. Я – настороженно-любопытствующие, он – изучающе-пытливые.

– Как звать-то тебя, не забыл ещё? – Пустил он вбок дымную струю.

– Да нет, не забыл. Олег, если угодно.

– Меня Андрей. – Руки не подал. – Вид у тебя, как у библейского странника. Посоха только не хватает.

– Под меня сейчас все прозвища годятся: пустынножитель, бедуин, бродяга, дервиш, калика переходный... и даже Вечный жид.

– А откуда шагаешь?

Я секунду размышлял, стоит ли откровенничать – кто, откуда и куда? В смысле, озвучивать ли «явки, имена и пароли»? Да ладно, как говорится, «...наша встреча случайной была»:

– Из Душанбе.

– Душанбе?! Вот это да! Я ведь тоже оттуда вёрсты нарезаю. А до Казахстана как же добрался? Неужели пешком?

В основном, да. «Одиннадцатым маршрутом», самым надёжным. Поскольку ни денег же, ни документов.

– Обокрали? Подожди, а как же... Путь-то не близкий!

– Обходными манёврами. Видят, что русский – цепляются. А так, старался не особо светиться, шёл, когда ночью, когда «глухой, нехоженой тропой». Но, бывало, кто и подбросит, если не побрезгует.

Один раз вёрст пятьсот ехал, заваленный мешками с какими-то вонючими гранулами. Едва не задохнулся.

– В Душанбе-то как тебя занесло?

– Командировка. Да ладно об этом.

– А путь куда держишь?

– В Москву, если получится.

– Живёшь там?

– А вот на этот вопрос я сам себе не могу ответить.

Загасив окурок о подошву, Андрей встал во весь свой сказочный рост:

– Садись в машину. – Пошагал, не оборачиваясь. Привыкший, видать, к тому, что возражать ему мало кто осмеливался.

Пугая прохожих чудовищными габаритами и стреляя дизельным смрадом, грузовик, с выдавшим виды контейнером в кузове, скоро миновал городскую черту. Сразу после арки, установленной на въезде – выезде, сверкнула под лучами клонящегося к закату солнца озёрная гладь. Мы привернули и остановились. На мелководе ещё барахтались коричневые казахские мальчишки с надувной автомобильной камерой. В прибрежных камышах, чуть покачиваясь, стояла лодка с уснувшим в ней удильщиком. Тёплым гнилостным духом веяло с влажного озёрного окоёма.

Андрей достал из-за сиденья дорожный несессер на молнии и подал мне. Взглянув недоверчиво и любопытствуя, я потянул за колечко. Внутри покоились мыльница, мочальная рукавица, расческа, бритвенный станок и флакон лосьона.

– Давай, приведи себя в порядок. – Вытянул из-за шторки спальника полотенце и накинул мне на плечо. – Кофе сейчас сварганю, а поговорим потом. Рюкзак-то, зачем берёшь?

– Тоже сполосну.

«Не стоит, брат, прощупывать мою заплечную суму даже из простого любопытства. Упрянтанная в днище рюкзака вещь тебе может не понравиться и, что совсем нежелательно, обеспокоить и насторожить».

Погрузившись в тёплые озёрные воды и блаженствуя, поймал себя на мысли: «Вот не выныривать бы, и... «Finita la comedia». Вообще, как это – умирать? Безболезненно? Мучительно? «... с гибельным восторгом»?

Все книжные рассказы о потусторонних туннелях, воронках, про уходы с возвращениями и клинические летания под потолком, вероятно, чушь несусветная. У человечества ведь нет опыта умирания. Один лишь в целом свете вполне испытал подобное на себе. И смерть, и воскресение из мёртвых. Только навряд ли Он захочет поделиться впечатлениями.

Мыльная пена хлопьями ложилась на воду и уплывала к камышам. Стираное бельишко, расстеленное по траве, вялилось на жаре, не спадающей даже к вечеру. Стоя по пояс в воде и наощупь выкашивая бритвой тугую щетину, я осмысливал предстоящий разговор с Андреем.

Ах, «...ну что сказать тебе, мой друг...», молчаливый рыцарь этих, не к ночи помянутых, дорог и неприютности дальнобойной кочевой жизни? Чем заинтересовал тебя случайный бродяга? Какую тайную струну задел ненароком в твоей большой и отзывчивой душе? А хлебнув горячего кофе, обнаглел вконец:

– Андрей, коли уж всё так оборачивается, ты не будешь супротив, если я завалюсь спать? А исповеди и проповеди отложим на потом. Прости, но я дико устал.

– Тебе сколько лет, Олега?

– Двадцать восемь, а что?

– Да так. Поначалу дал бы тебе все сорок. Полежай в спальник за сиденьями, всё там найдёшь. Мне тоже, пожалуй, окунуться не грех.

Подстраховываясь по привычке, обернул вокруг своей босой ноги лямку рюкзака и, едва коснувшись щекой надувной подушки, мгновенно провалился в небытие. Слыхом не слыхивал, как, урча, завелась машина и, упёршись ближним светом в дорожное полотно, тронулась в ночь.

Очнулся лишь, когда в кабине забрезжило жидкой рассветной мутью. Ровно гудел мотор, «дворники» мерно снимали дождевики с лобового стекла. Сдвинув шторку, закрывавшую мизерное оконце спальника, долго наблюдал бегущую по обочине вереницу зелёных насаждений, перемежавшуюся полями, хилыми саманными домишками, юртами пастухов, загонами для скота, колодцами и пустырями.

Проплыла мимо забавная деревня, половина домов которой была выкрашена ярко-жёлтой сигнальной краской. Такую наносят на тротуарные ограждения. Размалёваны не только

дома, но и бани, заборы и даже собачьи будки! Видно, какому-то ушлому разметчику дорожных покрытий удалось не только «прижать» пару неучтённых бочек этой ядовитой краски, но ещё и поделиться ею с односельчанами. Ну а кто ж откажется от такой «халявы»?

Обнаруживать себя проснувшимся не хотелось. Узкий спальник стиснул и смирил меня, словно «прокрустово ложе». Укачивающее движение, пролетающие за окном пейзажи теперь напоминали мне купе поезда, что увлёк меня некогда в эти незнакомые края. Я, кажется, даже ощущал спиной, как вагонные колёса рельсовой азбукой Морзе выстукивают заданный режим движения. Движения вроде и поступательного, однако, что печальнее всего, возвратного, обращённого в воспалённую память мою, превратившуюся однажды в незаживающую рану, дотрагиваться до которой воспоминаниями лишней раз, казалось бы, совсем и не нужно.

* * *

Наверняка есть люди, которым нравятся служебные командировки. Этаким завзятым «доставалам» и «вышибалам». В основе своей это снабженцы, свято уверовавшие в то, что без них, завод или, там, фабрика загнутся на корню.

Ну как же! Заходишь в учреждение весь исполненный значимости – животик вперёд, галстук, красная папка с документами, – Милые дамы, добрый день... Встречают с настороженностью: кто ж знает, что ты за птица? Сделал, что поручено, звони своему начальству – мол, дело застопорилось.

«Но я постараюсь... Не извольте беспокоиться... Не первый день замужем... Всенепременно добыю». Тем самым обеспечь себе пару-тройку «разгрузочных» дней. Вечером в ресторане графинчик и невинная стрельба глазами по сектору в 360 градусов. Свобода, забоддай тебя комар!

И я не был супротив такой жизни до поры, пока эти поездки не стали практически основным способом существования. Директор, пользуясь моей холостяцкой незащищённостью тылов, выезжал на мне, как на казённом. И приходилось безропотно отпраиваться внедрять нашу немудрящую швейную продукцию провинциальным торговым организациям. Дело потихоньку шло. Ни шатко, ни валко, но шло.

Однако, в какой-то момент душа моя воспротивилась тягостной постылости такого положения дел. К вящему неудовольствию заметил за собой ловко наработанную в командировках виноватую улыбку, заискивающие нотки в голосе и японскую готовность к извинительным полупоклонам. А необходимость вручать подарки и презенты начальствующим дамам просто вила веревки из моей гордости!

Да ещё эти гостиницы районных городишек, где номера наполнены тоскливым одиночеством и раздумьями о никчёмности разъездного характера бытия. Там скрипучие кровати, (пружина им в бок!) плоские подушки и бельё с запахом клопомора. Комковатый ватный матрас всенепременно с застаревшим жёлтым «пролежнем» на обратной стороне. Тусклое, из экономии, освещение, захватанные портьеры, рябь в телевизоре и покойническая температура в трубах отопления. Не везде, конечно, но всё же, всё же...

И вот я спрашиваю вас, дорогой мой шеф, Большаков Иннокентий Александрович:

– Кеша, паразит мировой, буржуй недорезанный! Скажи на милость, на кой ляд я наравне с тобой, получал в «Плешке» высшее образование!? (Прошу прощения, в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова). Но ты директор, а что за роль последнее время у меня? Больше разъездной сбытчик, чем начальник цеха! Доколе, Квентин!? С этой принудиловкой, которой ты связал меня по рукам и ногам, лучше всего справилась бы любая бывшая швея-мотористка, коими битком забиты АХО и бухгалтерия фабрики. Но как только о командировках заходит разговор, все сразу или беременны, или на сохранении, либо по уходу за ребёнком! Тут же вспоминают о своих незыблемых правах. Суффражистки, ни дна им, ни покрывки!

Подспудно в голове оформлялась такая вот гневная отповедь, с которой я всерьёз намеревался, когда – никогда, вломиться к директору в кабинет. Вплоть до того, что и открыв дверь ногой. А пусть!

– Смею предположить, что так и не вломился, – позёвывая, спросил Андрей.

– Ну да. Случился зажим в одном месте, – соглашаюсь обречённо. – Субординация, куда деваться. Друг и приятель он мне только за проходной, так договорились. А тебе бы не мешало поспать, брат. Всю ночь ведь с рулём обнимался.

– Ладно, привернём к какой-либо речке, посидишь, порыбачишь, а я покемарю. Под сиденьем есть удилище складное.

– Так ведь наживка какая-то нужна?

– От вы ж народ, москвичи! Наживки кругом полно. Хлебного мякиша намни, скатай шарики. Лопатку возьми вон сапёрную, копни у берега – вот тебе и черви. Мух налови в спичечный коробок. С любого валежника лопаткой кору вскрой, и нате вам, опарыши. Оттого, знать, вы и мелкие такие, что с природой не дружите. А у неё, матушки, всё для вас есть, бери, не хочу! Надо только уметь это взять. Да. Уметь надо... – Он явно клевал носом.

Не успел я, сидя на берегу, доесть ржаную четвертушку, которая предназначалась для наживки, как из-за опущенных стекол кабины раздался молодецкий храп. Да такой! Меня сможет понять лишь тот, кто на своём веку слышал, как работает тракторный «пускач»!

* * *

Пока я примеривался открывать директорскую дверь ногой и разучивал тезисы справедливого ультиматума, Иннокентий сам вызвал меня к себе в кабинет. Но не по аппарату, как обычно, а через громкую цеховую связь.

Мотористки, как одна, тут же повернули головы, норовя заглянуть ко мне в конторку через стеклянную перегородку. Шествуя по пролёту сквозь ряды строчащих швейных машинок, мне думалось: «Голос прям дикторский! Впору бы тебе, Квентин, и производственную гимнастику в цеху возглавить».

– Работаем! Шеи не повредите, милые дамы. Работаем! – Это я уже моим «девушкам». Ну и народ, все им надо знать!

Люси, секретарши, на месте нет, берём на себя смелость войти без доклада. Ладно, «ногой» в следующий раз. А как сейчас постучать, дверь обита чем-то мягким. И когда успел кабинет облагородить? Открываю и стучу костяшками во вторую, деревянную:

– Разрешите?

– Конечно, заходи, чего спрашивать? – Иннокентий крутнулся на дорогом кресле и, раскинув руки, двинулся навстречу.

– Вызывали, Иннокентий Александрович?

– Прекращай, Олег, что за официоз, – потрепал дружески по загривку.

– Ну как же, ведь договаривались – дружба дружбой, а...

– ...служба службой. Всё правильно. Но только дело, о котором пойдёт речь, требует особой доверительности. И чтобы кабинетная обстановка нас не напрягала, – он стянул с вешалки пиджак, – приглашаю к себе в гости. Согласен? Посидим, соорудим «дринк» – другой, а? Как в старые времена. Поехали! – И первым вышел из кабинета.

Леша, шофёр Иннокентия, лишних вопросов не задавал. Он вообще был чрезвычайно молчалив и предельно исполнительен. Такой личный водитель – редкая удача для любого чиновника. Директорская «AUDI» демонстрировала породистость и лоск. В фабричном гараже кроме прочих рабочих «лошадок» ещё имелся разъездной, выдавший виды «жигулёнок» шестой серии, которым дозволялось пользоваться и мне. По служебным делам. И, правду сказать, я не злоупотреблял.

– Лёш, домой, – Иннокентий тронул его за плечо, демократично сев со мной на заднее сиденье.

Тот вопросительно и безмолвно повернулся ухом в нашу сторону.

– Ко мне, ко мне домой. И до завтра свободен.

Леша кивнул и, вдавив педаль газа, аккуратно вжал нас спинами в дорогие кожаные сиденья.

После первой рюмки коньяка я прозорливо заметил:

– Квентин, чувствуя пятой оконечностью, что снова командировка?

– Какая она чувствительная, эта твоя оконечность. Да, Некрасов, командировка. Но только не начинай продавливать эту тему. Знаю прекрасно тайные твои претензии. И командировки осточертели, и оклад, что называется, желает быть... Ешь, давай, не скромничай. Сервелат вот, оливки, налегай!

Ленка твоя психует и понять её нетрудно. Пока живете в коммуналке, какая свадьба, какие дети? Известно мне всё, дорогой ты мой. Но в зависимости от успеха предприятия, о котором пойдёт речь, может появиться реальная возможность существенно поправить дела всей фабрики. А в том числе и твои с Леной.

Ехать надо в Таджикистан. В город Душанбе.

– Рехнуться можно! Это же почти край земли!

– Ничуть не бывало, совсем недавно дружественная нам республика. Приветливый народ. Плов – млов, шашлык – машлык... Говорят по-русски.

– Та-ак. Ну, а суть-то в чём?

– Как раз в самую суть тебе вникать совсем необязательно. Все договорённости уже заключены. Но вкратце, дело обстоит следующим образом. В Таджикистане грядут выборы на различных муниципальных уровнях. И там есть чиновник, давний наш знакомец, который прямо завязан на лёгкую промышленность. Обработка хлопка, текстиль и прочее. Мы встречались недавно здесь в Москве. Сложились ещё более доверительные отношения. От дальнейшего их развития могут зависеть горизонты нашего благосостояния. С его благодетельной помощью эти горизонты можно существенно раздвинуть. Союз развалился, но связи-то, наработанные годами, остались!

Ставим вопрос. На что можно рассчитывать в этом плане?

Отвечаем. На прямые поставки и существенно более низкие закупочные цены. На высококачественный материал, не в пример тому, с чем мы работаем. За этим стоит перспектива создания дизайнерского бюро с привлечением к совместной работе ведущих московских модельеров и демонстрацией образцов на сезонных дефиле Дома Моды. В планах открытие совсем нового направления – цеха театрального костюма и реквизита. Зришь перспективу? Дальше надо тебе объяснять?

– Объяснять ты всегда неплохо умел, но при этом редко соглашался с теми, кто в твоих словах сомневается. Самое время напомнить одну сентенцию – существует два мнения...

– Знаю, знаю, ...моё и неправильное! Молодец, нашёл время для критики руководства, – он плеснул себе ещё и зашагал по комнате с бокалом в руке. – Можно, конечно, продолжать работать по старинке, сидеть тихо и ждать неминуемого банкротства. А то и повернуть его намеренно. Но выгоды получим «мизер», а бизнес потеряем. И кому, как не нам с тобой, следует заблаговременно понимать и предвидеть эту кислую перспективу? Все родственные предприятия давно переориентированы, а мы чего, спрашивается, в носу ковыряем?

– Переориентированы, читай, приватизированы?

– Не вижу ничего в этом плохого. А тебя что смущает?

– Да нет, простая предусмотрительность. Но вот вспомни, Квентин, читался у нас в институте один семестр курс психологии. При моей житейской осторожности крепко запала в разум одна формулировка – «когнитивное искажение».

– Олег Николаевич... – он снова сел за стол.

– Ты дослушай. Это всего лишь означает, что ожидание успеха более высокое, чем предлагает объективная реальность. На общепонятный язык это переводится – не кажи «Гоп!», пока не перепрыгнешь. Только и всего. Ну как ты из Москвы можешь повлиять на результаты выборов в Таджикистане?

– Существуют различные способы поддержки своих кандидатов. В том числе и финансовая помощь. Выборы, как мы понимаем, дело дорогое. Предвыборный штаб, аренда помещений, СМИ. Опять же агитационная работа: помощники, волонтеры, растяжки, баннеры, листовки... Дорогостоящий телеэфир. Да мало ли?

– Наивный ты человек, Квентин! Или меня за такого держишь. Прости за фамильярность, но неужели ты, олух царя небесного, и вправду думаешь, что в азиатских республиках кандидаты всем тем, что ты перечислил, всерьёз занимаются? А не другим ли, более привычным способом, выстраивается там вся архитектура власти?

Иннокентий, улыбаясь, долго смотрел на меня с лукавым прищуром:

– Я всегда поражался, Некрасов, твоему умению заглядывать за другую сторону холма. Англичане утверждают, что там трава всегда зеленее. Но это не меняет дела. В любом случае надо протянуть партнёру дружескую руку, – и добавил с напористым придыханием, навалившись на стол, – повезёшь туда «барашка в бумажке»! У понятия «взятка» криминальный душок. Твоё православное воспитание лучше любых рекомендаций. Впрочем, ты и меня пойми, кому ещё я решусь доверить такое пикантное дело? Ведь мы с первого курса почти родня с тобой.

– А кто же эти таинственные меценаты? Деньги, надо понимать, не фабричные?

– Группа заинтересованных лиц, – кривится Иннокентий.

– Слушай, парень! Ты анонсировал доверительную беседу, а сидишь, и наводишь тень на плетень. На мутных условиях тянешь меня в какую-то аферу расплывчатой конфигурации. Я не поеду, Квентин. Ты с ума сошёл совсем, дел на производстве невпроворот.

– Поздно, Олег, поздно. «Нал» дают люди серьёзные. Очень, подчёркиваю, серьёзные. Точка невозврата пройдена, поэтому поздно.

– Поздно чего?

– Включать заднюю передачу, вот чего. Ответственные лица за операцию уже утверждены. Волевым решением. Это ты и я.

– Это кто же нас утвердил?

– А вот, всё те же серьёзные товарищи, о которых лучше бы тебе и не знать. Как говорится, меньше знаешь – легче на допросах! Ха-ха. Не строй из себя девственницу, сам ведь прошёл и Крым, и рым, и ржавые трубы. В суть переговоров вникать нет никакой необходимости. Передаёшь кэш посреднику и летишь домой. Всё!

– Ну, дела-а! Позволь хотя бы поинтересоваться, каков же тоннаж перевозимого «груза»?

– Давай накатим ещё по одной. Х-эх! – он подцепил вилкой ломтик лимона и нацелил на него указательный палец. – Повезёшь три вот таких. Только целых. – Сунул дольку в рот прямо с кожурой. – А детали обсудим перед поездкой.

* * *

– Слушай, Андрей, сколько уже едем, а я всё не удосужусь спросить: конечный пункт у тебя тоже Москва?

– Нет, брат, разгружаюсь во Владимире. Немного перед столицей. Русская семья переезжает на историческую родину. В контейнере домашний скарб. Летят самолётом на Москву. Дома будут раньше нас с тобой.

– Пенсионеры?

– Да не похоже. Среднего возраста. Детишки школьники.

– Как думаешь, таджики вынуждают русских уезжать?

– Не знаю, Олег, что ответить. Это после гражданской войны в 90-х много уехало. Особенно специалистов. Сейчас это не так явно. Я же вот русский, никто меня не вытесняет. С рождения живу в Душанбе.

– Ну, к тебе и подойти-то...

– Не в этом дело. В самой атмосфере повседневной жизни чувствуется отчуждённость. Именно она заставляет некоренное население напрягаться. А напруги на национальной почве начинают отравлять жизнь. Эффект «коммуналки». Опять же с работой проблемы, денег заработать сложно. Иной раз до безвыходного отчаяния – молодые парни от безделья и безденежья вербуются в террористы. Афганистан рядом, пожалуйста. С русскими школами трагедия практически. Я своего шалопая устраивал, как всюду там у нас положено, за «мзду малую». Их всего четверо. В русском классе русской школы четыре русских ученика! Остальные таджики. Да чего я объясняю, ты же сам все это видел.

– Ну, я-то заезжий гость, цельное впечатление составить трудно.

– Вот-вот, к гостям и рука к сердцу и восточное гостеприимство. И плов, и кров, и уважение, как говорится. А в обычной жизни – один искренне скажет: – «русский, не уезжай!», зато другой может добавить: – «...нам рабы нужны!»

– Ксенофобия чистой воды.

– А это чего такое?

– Ну, неприятие чужого, инородного. Неприязнь к другой нации, например.

– Это, брат, с какой стороны посмотреть. Таджики в большинстве своём народ радушный и приветливый, ты не мог не заметить.

– Согласен.

– Вот. А летом у нас повсюду, как в русских деревнях во время войны. Одни бабы, ребятишки и старики. Всё трудоспособное население на заработках. В основном в России. А там какая «фобия» работает по отношению к приезжим? Документы – проблема, жильё – проблема, менты прессуют, денег платят самый минимум, а то и «кидают» бесцеремонно. Мужчины возвращаются иногда очень обозлённые. Эта нация презрения к себе не приемлет никоим боком. И обида может вылиться в эту... как ты её называешь?

– Неприязнь.

– Именно. Дело доходило и до серьёзных столкновений. На ком ещё сорвать злость, вернувшись домой с пустыми карманами? Русские, чтобы оградить свои семьи от неприятностей и срываются с насиженных мест. Если есть куда срывать. По железной дороге контейнеры отправляют дорого, да и очередь там. Вот люди и обращаются. Я в Россию не первый рейс делаю.

– Ну не всегда же такие заказы выпадают, работаешь где-нибудь?

– В семейный котёл. Кроме «КАМАЗА» у меня ещё «Тангемка» есть. Китайская такая маршрутка, наподобие пассажирской «Газели». Бомблю в одной конторе. Я город знаю, как свои пять пальцев, – и доверительно понизив в голосе, – а для «дальнобоя» у меня российский паспорт есть.

– Да ты богатенький Буратино!

– Куда там! Чтобы эти машины приобрести, мы с отцом и старшим братом пахали без продыху лет десять. Таким вот «макаром», Олега. Ну да ладно, штурман. Взгляни-ка на карту, где мы сейчас?

Я достал из-под козырька ветхую на сгибах, склеенную из листов атласа карту, величиной, не в размах ли рук.

И то сказать – от Душанбе до Москвы чуть ли не четыре тысячи километровых столбов. Рисковый у Андрюхи рейс!

– Актюбинск верст через 150.

– Пока в графике. До места, стало быть, ещё пара суток. Надо будет подвернуть куда-нибудь на предмет поехать.

– Андрей, должен сказать, что я всё помню и найду способ рассчитаться за твоё радушие, будь уверен.

– Вот тебе на! От кого я это слышу? Кто недавно пересказывал притчу, что не всё в этой жизни меряется деньгами? Не надо, брат, обманываться на мой счёт. Так что замнём для ясности, лады?

– Хорошо, замнём. Но нельзя забывать, что лукавства и мошенничества на белом свете тоже хватает. Ты же меня совсем не знаешь, Андрей!

– Согласен, обмануть человека несложно. Только как с этим дальше жить? Если иметь в виду серьёзный обман, а не шутку, или там, розыгрыш.

– Так ведь народ сам *«с легкостью необыкновенной»* поддаётся обману. Перефразируя поэта, скажем так: «Ах, обмануть его нетрудно, /Лох сам обманываться рад».

– Мне ближе другое высказывание: сердце можно обмануть, желудок – никогда! Давай будем искать столовую. И, слушай, Олег, можно я тебя спрошу? Не обидишься? Вот я замечаю, крестишься за едой. Ты... как бы это, веруешь, что ли?

– Ах, дорогой ты мой! Отвечу уклончиво – на данный момент я, невзирая на некоторые противоречия, агностик. Но если по-простому, примерно так: верующий утверждает, что Бог есть, атеист доказывает, что Бога нет, агностик говорит – да кто ж его знает! Думаю, что сомневающийся честнее первых двух.

А крещусь... Давняя привычка.

* * *

В детстве мы не заморачивались мыслью о своём отце. Ни я, ни моя старшая сестра Маша. Привыкли, что у нас его нет. Да, «безотцовщина». Не в том, конечно, смысле, мол, неслухи и хулиганье, а в том, что нет его, – значит, этому и быть. Разобраться, раньше отца не было, а теперь зачем? Даже бы вдруг появился, и что?

Пришёл бы, скажем, какой-то незнакомый мужик, довольно-таки в годах, полысевший на чужих подушках, в старомодном двубортном костюме, с извиняющейся улыбкой на лице и дешёвыми подарками детишкам, из которых те сто раз уже выросли. Мне четырнадцать, Машке семнадцать. Нет уж! По нашему сибирскому характеру, как говорится, *«Не жили богато, не стоит начинать»*.

Нас сбивало с ног другое. Мамина болезнь. Неожиданно быстро пришло время, когда уже не получалось ходить в храм Божий втроём, как было всегда. На клиросе, в хоре Свято-Никольского мужского монастыря, что раскинулся в километре от нашего райцентра Некрасово, перестало выделяться мамино, до боли узнаваемое, сопрано. Ежедневно, сменяя друг друга, как из-под земли вырастали мы возле её больничной койки, радуясь этой короткой возможности побыть рядом.

Главный врач нашей районной больницы, отводя глаза, бубнил непонятные медицинские термины, убеждая нас с Машей в том, что «...случаев положительной динамики такой болезни, а то и полного выздоровления, сколько угодно и нет особых уж таких оснований для беспокойства. Всей необходимой аппаратурой, препаратами, кровью, плазмой и прочим больница полностью обеспечена. А к людским пересудам не стоит и прислушиваться».

По воскресеньям мы искренне молились и просили Господа отвести роковую беду от родного и никем не заменимого на всём белом свете человека. После литургии шли в больницу и передавали маме: поклон и богослужебную просфору из алтаря от настоятеля монастыря игумена Никодима, цветы и приветы от регента и певчей братии из хора, ещё тёплые капустные пирожки и бутылку утreshнего молока от матушки Лукерьи из трапезной. Мама прижимала цветы к исхудавшей груди, целовала просфору бледными губами и светлела лицом...

Но не прошло и месяца, как оглушающим грозовым разрядом грянул из больницы телефонный звонок. Маша выронила трубку, судорожно притянула мою голову к себе и зашлась громким детским плачем...

После маминой кончины минуло два года. Сестра работала закройщицей в ателье районного Дома Быта, я продолжал учёбу в школе. Принадлежащую нам половину дома надо было отапливать, платить за газ, электричество и телефон. А тянулись на одну Машкину зарплату. Мне, здоровому лбу, было неловко от того, что деньги в дом носит одна сестра, подрабатывая ещё и дома заказами со стороны. Я подъезжал к ней с разных сторон на предмет бросить школу и пойти работать, но Маша к моим стенаниям была непоколебимо глуха и равнодушна, словно её чёрный и бесчувственный портновский манекен. «Вот закончишь школу, и поступай, как знаешь». Весь и разговор.

Но неожиданно в наше тоскливое сиротское существование внёс живительную струю наш районный военком подполковник Семёнов. Иван Никитич, а попросту, дядя Ваня, мамин бывший одноклассник. Он очень помог нам в те памятные трагические дни.

А ныне дело состояло вот в чём.

После окончания Московского Высшего военного командного училища прибыл на краткую побывку Серёжка Семёнов, дяди Вани сын. Я хорошо помнил этого долговязого старшекласника, задиравшего всех подряд. На него девчонки заглядывались, но предметом его воздыханий являлась, похоже, лишь боксёрская груша. Рослый красавец, молодой свежеспечённый лейтенант в блистающей парадной форме производил на окружающих почтительное смятение. Все наши девушки разом «пропали». Включая мою сестру. Магический контур, наведённый молодым офицером на девушек, собравшихся в актовом зале ДК на танцы, понудил опасливо набычиться местных ухажёров. Но никаких, однако, искр и замыканий не последовало, ну свой же, местный. И ещё вот почему.

Полгода назад Маша рассталась со своим давним воздыхателем, настойчиво пытавшимся перевести их отношения практически в гражданский брак. Сестра же, будущее своё не представляла без венчания, белой фаты и свадьбы. И свадьбы не в любой день, а в строгом соответствии с православным календарём. А в планы женишка «вся эта канитель», по всей видимости, не входила. Этими домогательствами он довёл Марию до того состояния, когда она, при всей своей природной деликатности, выкатила ему «отлуп» такой прямоты и откровенности, что потом неделю корила себя за эту прямолинейность, а в воскресенье ходила к отцу Никодиму на исповедь.

Воздыхатель, затаив обиду, завербовался вахтовым порядком в таёжную глушь. Точно не знаю куда, но мало ли в Сибири таких контор: нефтяники, газовики, дорожники, рыбаки. Лесорубы с трелёвочниками, старатели с драгами, шишкобой с кедротрясами...

Лейтенанту доброхоты, видимо, донесли, мол, свободных девушек на выданье наличествует количество малое. А именно – две. Некрасова Маша и ещё там одна, характеризовать которую не стали. Не знаю также, помнил ли он Марийку по школьным годам, учебу-то закончил на два года раньше и тут же уехал на учёбу в Москву. Но сейчас его наступательные планы, если они и были, в первый же день споткнулись о мою сестру. Один раз Серёга пригласил её на танец и больше уже не отходил.

За то время, пока Семёнов носил в училище курсантские погоны, Маша из долговязого подростка выправилась в такую, не сказать красавицу, но статную, пышноволосяную и крутобёдную девицу. Такими испокон веку славятся наши края. Одно смущало в ней местных ухаждёров – набожность и чрезмерная стыдливость. Даже дома, если в моём присутствии, могла вспыхнуть краской стыда из-за выбившейся наружу бретельки. Её такой строгости парни побаивались. Но вот случилось.

Два вечера лейтенант провожал мою сестру от клуба до дома. Мария, потупившись и краснея, шла рядом с этим невиданным гренадёром, исподволь бросая на него восхищённые взгляды. Они недолго стояли у калитки и прощались. Маша появлялась на пороге дома с мечтательной улыбкой на устах, немного отрешённая и «ланитами пламенеющая». У меня же внутри весело щебетала радость за неё.

Но вот на третий день «гусар летучий» внезапно уехал в Москву, оставив сестру в лёгком недоумении, если не сказать, в замешательстве.

– Чего, Маш? – спрашивал я её.

– Олег, пожалуйста... – просила она.

Весь и разговор. Однако, главное было впереди. Я Марию расспросами больше не донимал, хотя и видел её удрученность. И жалел. Бедная моя сестричка перед сном долго стояла в красном углу перед иконами. Что просила она у Спасителя? Приблизить? Отвести? Не могу ничего сказать. И помочь ничем не могу. Но рядом с благодной жалостью в душе моей прорастал колючий побег озлобленности на этого гвардейца. «Значит так, товарищ лейтенант, делаются дела там у вас в Москве? Сходил в увольнение, подцепил на танцах девушку, а наткнувшись на неприступность, дёрнул в сторону? Мол, «первым делом самолёты»? А непокладистые «девушки потом»?

Минула тягостная неделя. На дворе сентябрь и это уже серьёзно. В любой день может ударить снег. Таковы наши сибирские погодные метаморфозы.

В один из таких сумрачных вечеров мы обретались, как обычно, дома. Маша гладила на столе бельё, я же, сидя на лавке и безотчётно плясая на дождь за окном, болтал ногами и донимал сестру глупыми вопросами. Например, зачем придумали одиннадцатый класс? Вот окончили десятый, и хватит. Летом бы уже вместе с пацанами на работу устроился. Раньше всегда же было десять.

– Для того и одиннадцатый, что вы в десятом ещё глупые подростки и к самостоятельной жизни никоим образом не готовы. Да и после одиннадцатого не больно-то взрослые. Особенно мальчишки. Им надо выдавать не аттестат зрелости, а аттестат молочно-восковой спелости!

– Нет, Маш, жалко, ты не разрешила мне бросить школу после маминой кончины и пойти работать. Не переворачивались бы из куля в рогожу. Не шила бы до глубокой ночи, а выкраивала время погулять. Глядишь, уже и замужем давно была.

– Олег, пожалуйста, – опять просила она.

И вот тут настойчиво постучали в дверь.

* * *

Невесёлый и запущенный район Москвы Капотня раскинулся широко. Когда мы сошлись с Еленой, я перетащил из общежития к ней в шестнадцатиметровую комнату коммуналки свой чемодан и навсегда распрощался с наивным детским представлением о величественных видах столицы. «А из нашего окна площадь Красная видна!»

Нет, из нашего с ней окошка были видны лишь унылые кварталы хрущёвских пятиэтажек, размежёванные ухабистыми дорогами. А вдалеке, на срезе высоченной трубы, негасимый факел сжигаемых нефтеперегонным заводом отходов. От этого «вечного огня» атмосфера над районом отдавала стойкими запахами горелой резины. Казалось, что смог, нередко покрывающий эту часть города, прописан тоже здесь и тоже вечен. Даже имеющийся балкон дополни-

тельной радости не приносил, потому как практически никогда не открывался. Комнатушка эта досталась Лене после развода с её «первым» и раздела совместного жилья. Да, ей достался этот угол, что называется, по остаточному принципу, но она была рада любой возможности, чтобы как можно быстрее расстаться с тем, в кого влюбиться так и не получилось.

Познакомил нас Иннокентий. Впрочем, что значит познакомил? Он, оказывается, и сам не чаял встретить её именно в этом торговом центре. Подписывать договор на поставку нашей продукции в универмаг, где Лена состояла в должности товароведа, мы отправились вдвоём.

Нас встречала директриса, пожилая армянка в ярко-зелёной блузе с жемчужным ожерельем, распластанным на мощной, вздёрнутой до горизонтальной устремлённости груди. Полистав унизанными золотом пальцами каталог нашей немудрёной продукции, нажала ярко-красным ногтем клавишу на селекторе:

– Лена Сергеевна, падымись, детка, к мне. Да-да, пряма типерь!

Через минуту в кабинет порывисто вошла молодая длинноногая русоволосая женщина в брючной паре и, окинув взглядом гостей, подала узенькую ладонь почему-то первому мне. Я представился и привычно соврал, что несказанно рад знакомству. Товаровед протянула руку моему партнеру:

– Иннокентий Александрович, рада вас видеть. Как, оказывается, тесен мир! – Квентин смутился, а она и бровью не повела, деловито открыв блокнот. – Ануш Гургеновна, слушаю вас внимательно.

Визит завершился успешным подписанием соглашения и крохотными чашечками восхитительного кофе на расписном подносе жостовской работы. Пока шли к машине, я отметил некоторую отрешённость в состоянии напарника.

– Квентин, ты, стало быть, знаком с ней, а молчал, – вежливо спросил я.

– Ну, пересекались, помнится. Она у нас же училась, только на товароведческом. Три курса младше. Я, право, не предполагал... Олег, без обиды, доберёшься назад на метро? Мне позарез надо заскочить ещё в одно место, – и, забыв про рукопожатие, хлопнул дверцей.

С того случая я стал довольно часто по делам посещать рабочий кабинет Елены Сергеевны. И до той поры, когда меня стало туда тянуть и без всякой производственной надобности. Это нельзя назвать пылкой юношеской любовью, мы нравились друг другу, и поэтому довольно скоро произошло то, что обыкновенно происходит между одинокими мужчиной и женщиной, уже имеющими за плечами определённый жизненный опыт.

Мы стали жить вместе или, как пишут в судебных протоколах, «осуществлять ведение совместного хозяйства». Лена была хорошей «хозяйкой», пусть даже это определение и не очень подходило к её порывистой и увлекающейся натуре. Но в нашей комнате, опять же, «на территории совместного проживания», всегда была чистота – порядок и витал необъяснимый ореол чисто женского гнездышка. Этакий купаж ароматов цветочно-парфюмерно-кофейного толка. Мои носки, рубашки и бельё, предназначенное в стирку, внести дискомфорта в эту атмосферу не могли, так как срочно упаковывались в полиэтиленовый пакет и отправлялись в прачечную.

Нарушить конфетно-мандариновую ауру могли лишь ветры «благовоний» от нефтепегонного завода и всепроникающий запах дешёвой рыбы, которую с вожделием жарили на кухне наши пожилые соседи Фёдор Иванович и супруга его Клавдия Петровна. У них была смешная фамилия – Поштанник. Дядя Федя и тетя Клава Поштаники. Соседи незлобиво их поддразнивали, как бы невзначай добавляя отсутствующую букву, а они и не обижались.

Метро в районе отсутствовало, как и отсутствовала из года в год уплывающая за горизонт перспектива его строительства. Ленка, отшагавшая на каблуках и под дождём злосчастный километр, отделяющий наш дом от ближайшей станции метро, влетела в квартиру раздражённая до крайности. Несколько выждав, я подкрался:

– Лена, есть кое-какие новости, надо бы обсудить.

– Да погоди ты с новостями, дай юбку застирать, всю заляпала, пока добежала. – Это мне.
– Маршрутки век не дождёшься, чуть каблук не оставила в какой-то решётке, на тротуарах сроду лужи и грязь. Да чтоб они сдохли все! – Это уже муниципальным властям. И отчасти своему «бывшему».

Ничто не мешало ей иметь в характере малую толику вздорности.

– Я уезжаю, Лен, – извещаю со скорбным вздохом.

– Опять?! – Вскинулась она. – Не-ет, похоже, это не кончится никогда!

– Хоть опять, хоть снова. А ехать надо. Успокойся и давай-ка присядем.

– Давай. Но только скажи мне, Олег, тебе самому не надоела такая работа? Не проходит и двух недель, как я снова остаюсь одна и плююсь ночами без сна на этот негасимый факел. Нет желания ни убираться, ни стирать, ни готовить. Я с тоски выпивать начну, Некрасов! Мы когда-нибудь станем жить нормально?

– Вот как раз после командировки, полагаю, и должна начаться нормальная жизнь. Не могу пока посвятить тебя в детали, но эта поездка, по словам Иннокентия, может иметь судьбоносный характер. И для фабрики, и для нас с тобой в том числе.

– И ты ему веришь? Вот если бы он квартиру тебе отвоевал, это был бы судьбоносный подарок, а так... одни слова. Ценятся не слова, а поступки.

– Подожди, а у тебя-то какие основания ему не доверять?

– Есть основания! – Почти выкрикнула она, словно огрызнулась, – но тут же смягчилась. – Просто вижу, что он на тебя буквально сел верхом. А ведь помнится, ты хотел серьёзно с ним поговорить. Где же она, твоя решимость? И потом, куда хоть едешь-то на этот раз, я могу узнать?

– Можешь. Хорошо, что сидишь. В Таджикистан, в город Душанбе. В Понедельник.

– Рехнуться можно! Сегодня же понедельник! Прямо сегодня, что ли?

– Да нет, Душанбе в переводе и есть Понедельник. В старину этот, тогда ещё кишлак, стоял на Великом Шёлковом Пути. По понедельникам там собирались крупные базары, постепенно название и прижилось.

– Бред какой-то, По-не-дель-ник... Ну, что же поделаешь, поезжай, – она выдержала паузу, стремительно поднялась с дивана и взъерошила мне волосы:

– Не знаю, милый, как там у них, в Таджикистане, а у нас есть очень точное присловье – «Понедельник – день тяжёлый!». Не забывай об этом, путешественник ты мой, неугомонный! Пойду, кофе сварю, будешь?

* * *

До сих пор хорошо помню – первым в наше с сестрой неказистое жилище ввалился военком дядя Ваня. В громоздком влажном дождевике. За спиной у него, поблёскивая кокардой, металась фуражка лейтенанта Серёги. Мы натурально ступевались, но стали настойчиво приглашать гостей в дом. Поздоровавшись, мужчины развесили верхнюю одежду по гвоздям, стянув сапоги, прошли в комнату и сели к столу. Маша, обессилев от волнения, опустила на диван.

Меня разбирал смех от того, как комично смотрелись эти большие фигуры, облачённые в офицерскую форму и прячущие под сиденья свои ступни в разноцветных шерстяных носках. От Машиных щёк можно было прикуривать. Помолчали.

– Маша и Олег! – сказал дядя Ваня и многозначительно кашлянул. – Я, как человек военный, скажу прямо и коротко. Мы пришли сватать тебя, Мария! Как там говорят – у вас товар, у нас купец, – он кивнул в сторону Серёги. Есть у него к тебе деликатное предложение.

Теперь вспыхнул Серёга. Изменившимся голосом и, еле слышно пробовал что-то связно начать, теребя у скатерти кисти.

– Встать! – гаркнул военком, – и чётко доложить человеку обстановку.

Сергей вскочил, гневно сверкнул очами на отца и одёрнул китель:

– Дорогая Маша! – вкрадчиво подошёл к дивану, опустился на колени и взял её ладонь, – прошу тебя стать моей женой. Ты мне очень нравишься. Все эти дни я не находил себе места, а наши встречи подарили мне надежду, что и я тебе небезразличен. На принятие всех решений, венчание, свадьба, сборы в Москву, у нас ровно десять дней. Я должен прибыть в расположение части точно в срок. Но отправиться туда одному выше моих сил. Кроме того, командир предупреждён о том, что я приеду с супругой. Вероятно, это верх самоуверенности, но я люблю тебя, Маша, и настойчиво ищу твоего согласия.

Он вложил ей в раскрытую ладонь сверкнувшее камешком колечко. – Пожалуйста, Маша, скажи, что ты согласна. Ты согласна?

– Как излагает шельмец! Может ведь, когда припрёт, – шепнул мне дядя Ваня.

Слезы таяли на пылающих щеках сестры, она отрицательно качала головой из стороны в сторону и твердила:

– Нет, нет, нет, что вы такое удумали, Сергей Иванович. Пожалуйста, встаньте, – отняла руку и положила колечко на стол. – Нет, Серёжа, нет! Дядя Ваня, Бог с вами, как же это возможно, у меня Олежка на руках, ему школу надо заканчивать. А жить он будет на что?

– Машенька, – басил военком, – всё уже продумано и оговорено. Парню шестнадцать лет, считай, призывной возраст, паспорт на руках. Я был в райсобесе, Николай Николаевич оформит ему пособие, как оставшемуся без попечения. А за попечение тебе совсем не стоит переживать, я лично берусь за это дело. Тамара Петровна, супруга моя, конечно же, тоже согласна с выбором Сергея. Вы с Олежкой ведь выросли на наших глазах. А потом, сама посуди, могу я нарушить обещание, которое дал вашей маме перед её кончиной? Она говорила мне тогда, в больнице:

«Ваня, ты уж там, после „всех неприятностей“, пригляди за моими. За Олежкой особенно. Кого я ещё попрошу, кроме тебя».

Понизив в голосе, оглянулся на мамин портрет:

– И, если уж совсем откровенно, ни для кого же не секрет, что Наташа была моей первой школьной любовью. Да. Всё было, да быльём поросло.

Маша, закрыла лицо ладонями. Дядя Ваня продолжал:

– Но теперь, мы ведь собираемся стать одной семьёй, то есть самой тесной роднёй, если я правильно понимаю. Поэтому не вижу оснований для беспокойства. Для Олега на выбор есть несколько вариантов начать самостоятельную жизнь.

Первое – школа-интернат, где проживают ребяташки из деревень. Неделю там, на всём готовом, выходной дома. Год пролетит моментально, а там и в военное училище рекомендовать будем.

Второе – захочет, пусть живёт у нас. В доме есть две свободные комнаты, даже с отдельным входом.

Третье – настоятель монастыря игумен Никодим, ваш духовный отец, с удовольствием выделит ему теплую келью в братском корпусе для проживания и занятий, а также место за трапезным столом. Я специально напросился к игумену на аудиенцию. Ему очень дорога память о вашей маме. В школу надо будет ходить подальше, но молодому волку семь вёрст не крюк! Так или не так, Олежка? Конечно, батюшка назначит ему какое-то послушание, как труднику, что, опять же, необычайно полезно для души и тела. И угодно Богу. А то, можно просто остаться в своём доме и жить на пособие. Полные пригоршни выбора, Олег!

От такой велеречивости по мою перспективу, сердце стало выстукивать тарантеллу. Ну, какому же подростку не грезилась в радужных сновидениях эта полная свобода неподконтрольного существования! Но... стоп, машина! А если Маша откажется наотрез?

Скрипнула входная дверь и я выскочил в прихожую. Тамара Петровна, тяжело отдуваясь, стягивала со своей грузной фигуры мокрый плащ.

– Мамочка, ну зачем же ты утруждалась, – виновато хлопал себя по ляжкам дядя Ваня, – сердце же! Тебе нельзя!

Та, освобождая путь своему тучному телу, отодвинула мужа в сторону и обняла заплаканную Марию за плечи:

– Мне нельзя, а вам, конечно, можно! Довести девочку до слёз своим кавалерийским наскоком и шашками наголо. Где же нам прислушаться к мудрым советам! Дубина стоеросовая. Что тот, что другой!

Пойдите-ка все вон, на кухню, и прикройте дверь. Дайте человеку успокоиться.

* * *

В утренних сумерках внезапно загремел будильник. Неоновый циферблат уверял, что за окном семь ноль одна утра. Ленка, ворча спросонья, сунула голову под подушку. Это её причуда заводить часы не ровно на какой-то час, а с походом на минуту или две. Какое-то поверье, мне неведомое. Копит, что ли, бонусные минуты праздного сна, не знаю. А следом, ещё не дав будильнику заткнуться, затрезвонил телефон. Быстро хватаю трубку и, оглядываясь на Лену, говорю шёпотом:

– Слушаю.

– Привет, Олег Николаевич. Это Иннокентий. Извини, если разбудил, но тебе надо срочно собраться и приехать на фабрику. Заходи в мой кабинет и жди. Мне, может, придётся немного задержаться, жди и не нервничай. Ключ у Люси в нижнем ящике тумбы. И без вопросов. Давай, до встречи.

Ещё жива морпеховская выучка – приказы не обсуждаются, а исполняются. Ехать не близко и я, прислонив голову к автобусному стеклу, закрыл глаза.

Что всегда ценили во мне, так это исполнительность. Не задирая носа, брался за любое дело и пытался сделать его хорошо. Лидером наверняка не смог бы себя назвать, не та харизма, зато с детства носил под сердцем довольно большой запас самолюбия. Того, что считается в православии гордыней и причисляется к смертным грехам. Поначалу значения этому не придавал. Но становилось как-то не по себе, если порученное дело выполнялось мною не в самом лучшем виде. Душа требовала похвалы для самоутверждения, а ради неё стоило выкладываться. Поэтому со мной не возникало проблем ни в школе, ни в армии, ни в монастыре, где волею случая пришлось прожить неповторимый год жизни.

Сестричка милая, Машенька, со слезами на глазах просила, что даст Сергею согласие на брак лишь в том случае, если я стану жить в монастыре, под духовным надзором отца Никодима.

Нормально закончил школу. Без пацифистских закидонов и попыток «откосить» отслужил положенный срок связистом в береговой охране на Балтике. Не совсем флотский, но влюбившийся в море бесповоротно. Демобилизовавшись, поступил, правда, на льготных условиях, в Плехановский институт. Почему в Москве, а не на родной сибирской земле?

А как иначе, если единственный родной человек, сестра, обосновалась в Подмосковье. Там, в военном городке, «...лейтенанту Семёнову С. И. с супругой» по прибытии была выделена командованием приличная квартира. А настырный и пробивной однокурсник Иннокентий, коренной калужанин, удачно женившийся по окончании ВУЗа на дочке большого московского чиновника, сделал мне предложение, отказаться от которого выглядело бы верхом неприличия. Вот это и есть причины, по которым я пришвартовался к столице.

Если откровенно, всё в жизни складывалось достаточно ровно. К тому же, в обозримой перспективе вызревало ещё одно радостное событие – Маша где-то ближе к зиме должна родить себе и Сергею дочку, шестилетнему Ромке сестрёнку, а мне племянницу. Всё хорошо на беглый взгляд со стороны и перспективы высвечиваются радужные. Тут бы и воскликнуть:

«Остановись мгновенье!» ан, шиш вам, неостановимо время! И сие – факт неопровержимый. А в подтверждение этому, случай.

Не смешной, так забавный.

Удивительный подарок сделала Лена в связи с моим днём рождения. Мы решили отметить это событие вдвоём, в небольшой уютной кафешке. Милое заведение, если немного спуститься от памятника Пушкину вниз, по Тверскому бульвару. Проходя неспешно мимо дома Герцена, я с замиранием сердца и завистью поглядывал на окна, за которыми вострились поэтические перья студенты Литературного института. А потому и с завистью, что не давала мне покоя одна сердечная заноза, о которой я и самому себе боялся лишней раз напоминать.

В подростковом возрасте я перечитал почти все книги из поселковой библиотеки о морских путешествиях и о покорителях Арктики. Челюскин, Седов, Нансен, Амундсен... Какие имена! Какие судьбы! Мало того, что я страстно мечтал служить во флоте, я, боязно сказать, задумал написать большой приключенческий роман о людях, беззаветно влюблённых в эту опасную, загадочную и величественную стихию. Под никому не доступным спудом свято хранилась толстенная тетрадь с дневниковыми записями и фрагментами текста, которым должно было в будущем войти в основной сюжет.

Да, хотел стать моряком. Зимой обтирался снегом, вокруг Некрасовки закладывал свою личную лыжню длиной в двенадцать километров, набивал песком сшитые Машей мешочки вместо гантелей... Готовился. Но служить выпало не на море, а рядом с ним. Десантно-штурмовой батальон морской пехоты Балтийского флота, связист. Форма, конечно, общевойсковая, но тельняшка! В детстве была у меня эта бело-полосатая мечта всех пацанов – тельняшка. Даже две. Вторую подарила мама на день ВМФ.

А первую я украл по темну с верёвки в дальнем дворе, за школой. До сих пор помню морозный запах и демаскирующий грохот от немнущейся, окоченевшей на ветру, стиральной матросской рубахи. Добыча будоражила во мне неуёмную радость и подстёгивала наступающим страхом.

Мать отодрала за уши так, что левое опухло и неделю выпирало из-под шапки. Втроём, с мамой и тельняшкой ходили к тем соседям возвращать и извиняться. Я тогда плакал предпоследний раз в жизни. Последний – на похоронах моей самой дорогой.

К писательской когорте относить себя не думал, но и надежды на счастливый случай не отбрасывал. Почему у меня нет такого права – написать роман о море? Пусть я служил рядом с этой стихией, но душа была ею покорена навек!

И что с того, что у меня теперь другое образование? Дворник, который жил во флигеле этого знаменитого особняка и подметал за снующими туда-сюда «гениями» клочки черновиков их будущих «нетленок», тоже имел за плечами лишь железнодорожный техникум. А имя ему было, если позволите, Андрей Платонович Платонов!

Не пристало даже и пытаться ровнять себя со знаменитостями, но ведь технология «*обжига горшков*» сейчас в абсолютно свободном доступе!

Впрочем, всё это «*Думы окаянные, думы потаённые...*».

Ну, стало быть, подарок.

Поглаживая тонкими пальцами бокал с шампанским, Лена говорила слова, от которых у меня начинал распускаться павлиний хвост и, если бы ещё немного красноречия, то над макушкой возгорелся бы нимб. Много нового я узнал о себе, а под конец тирады она протянула корбочку, перевязанную желтой атласной ленточкой.

Это были немецкие часы обратного хода. Они показывали абсолютно точное время. Вплоть до секунды. Однако, стрелки, вращались в противоположную сторону. Привычными местами поменялись и обозначения на циферблате. На своём месте оставались лишь цифры 12 и 6. От 12 спускались вниз по правой стороне – 11, 10, 9, 8, 7.

А от шестёрки поднимались слева вверх – 5, 4, 3, 2, 1. Лена, как ребёнок, смеялась и хлопала в ладоши, наблюдая, с каким оглупевшим выражением лица я пытался постигнуть выкрутасы этой германской придумки.

– К ним надо привыкнуть, а так часы надёжные. Фирма веников... ну ты знаешь!

Я долго вертел часы в руках так и этак:

– Слушай, а ведь в этих часах есть какой-то сакральный смысл. Создается ложное впечатление, что время откручивается назад. Ты молод, бодр, мобилен и не надо никуда спешить. Уйма времени впереди и переделать все дела ещё успеется. Легко предаться праздности. А праздность, как известно, всем порокам мать. Можно небрежно и беспечно проживать черновик жизни, а уж потом, когда наступят благоприятные времена, начинать жить безгрешно и набело, поэтапно воплощая в конкретные дела проекты, задуманные ранее.

Смотри, как далеко назад могут утянуть легковушку душу эти часики! Диву даёшься, чего только не придумают люди! Могут не токмо стрелки, а и реки вспять завернуть. Стариков уже пытаются омолаживать. В ДНК влезают. Надо, вишь ли, в каком-то месте маленько подкорректировать. Создатель чего-то там недоучёл, понимаешь ли! Дай им волю, они и земной шар развернут в обратном направлении. Тем более что магнитные полюса уже надумали меняться местами. Господи, пронеси!

За автобусным стеклом стало совсем светло. Я взглянул на часы, с тайной, словно бы, надеждой, но нет, ничего не изменилось – они так и лупят в обратную сторону, как маневровый паровоз. Но, таки, довольно мечтаний. Тем более что моя остановка.

По истечении некоторого времени мне надоело мерять шагами директорский кабинет, и я спустился вниз к вахтёру дяде Васе. Тот вытянулся по стойке «смирно», полагая, что это какая-то проверка. Но совместными усилиями мы быстро притушили его должностную прыть разговорами на отвлечённые темы.

И тут, сквозь стеклянное перекрестье вращающейся входной двери отчётливо просматривалось, как прямо к ступеням на скорости подлетел белый «Крузак» и с привизгом тормознул. На водительском месте сидел незнакомый плотный мужчина. Хлопнула пассажирская дверца и, обогнув машину спереди, показался Иннокентий. В руках он держал массивный кофр. Водитель, опустив стекло, сказал ему вдогон какую-то фразу.

Нет, этого парня я раньше не встречал, но что-то в его внешности притягивало взгляд. А, вот! Редкие чёрные усики, которыми он тщетно пытался прикрыть неровный шрам на верхней губе. Такой остаётся после оперативного лечения болезни, которую в народе называют «Заячья губа». Что было им сказано, конечно, не разобрать, но, по ощущениям, он должен был гундосить. Автомобиль рыкнул и исчез из виду.

Иннокентий был взвинчен и, не поздоровавшись, прошипел:

– Я где сказал тебе быть? Неужели так трудно сделать, что просят! Ступай за мной.

– Доброго здоровья, Иннокентий Александрович, – говорил ему в спину дядя Вася, но тот не ответил. Уже в кабинете он плотно прикрыл обе двери и затряс ладонями перед моим лицом:

– Ты просто не врубаешься, насколько это всё важно, Некрасов! Лишние визуальные контакты крайне нежелательны! Меня строго предупреждали, а ты вечно своевольничаешь! – И упал в кресло, всем видом своим являя марафонца на финише. Нетрудно убедиться, что человек был совершенно разбит.

– Ну-ка, брат, давай сделаем так. Для начала успокойся. – Я открыл в мебельном стеллаже «заветную» дверцу и плеснул из квадратной бутылки на дно широкого стакана немного виски. Он принял хрустальную посудину, поднял на меня глаза, полные какой-то виноватой тоски и спросил тихо:

– А ты?

– Мне не положено, я на задании. Послушай, что я скажу. Квентин, дорогой мой товарищ и друг. Ну, я же вижу, что вся эта афера тебе, что называется, «против шерсти». К твоему мнению, похоже, не прислушались. Давление со стороны очевидно. Может, стоит проявить неповиновение и ретироваться? Сам ведь знаешь – увяз коготок, всей птичке пропасть! Хочешь, я стану ликвидатором этой сделки, ибо мне изначально эта затея была не по нраву. Правоохранители разберутся, что к чему. Повинную голову меч не сечёт. А, Кеш?

Но ему горячий глоток уже снял напряжение, и он отрицательно замотал головой:

– Ты достал своими пословицами о праведной жизни. Хватит уже твоих православных песнопений. На них есть и контраргументы – важнейшей является благородная цель. Если есть стратегия, к чертям собачьим препятствующие мелочи! Цель оправдывает средства! Слышал? И довольно ударяться в философию, давай о деле и не перебивай. На сборы и прощания тебе даётся два дня. Если иметь ввиду сегодняшний, то три. Поезд в полдень с минутами с Казанского вокзала. Вот билет. Ехать четыре дня. Долго, зато выспишься вволю.

– Но это же истинная мука! Отчего же не самолётом?

– Олег, поездка не совсем легальная и, как ты понимаешь, связана с некоторым риском. Деньги же! В аэропорту более жёсткий контроль. А потом, не секрет ведь, что есть случаи, когда грузчики «шустрят» по чемоданам пассажиров. Самолётом обратно полетишь, только извести меня лично на мой домашний, когда тебя встретить. Лёшу пошлю за тобой. Звони с переговорного пункта, мобильник используй лишь в крайнем случае. И запоминай крепко, что я говорю!

Теперь, груз. – Иннокентий открыл роскошный баул, сняв миниатюрный замочек. Видно было, что саквояж на три четверти забит банковскими упаковками. Сверху содержимое прикрывал вкладыш из картона, обшитый тем же материалом, что и сам кофр изнутри.

– Это что, как бы... двойное дно? – я не сдерживал язвительности.

– Не ёрничай, такие купюры вручили. Крупней, видимо, не было, зато всё в банковской упаковке. Набрасаешь сверху спортивные штаны там, туалетные принадлежности. Ленка наварит яиц в дорогу, котлет нажарит...

Теперь уже сам налил себе горячительного и сделал крупный глоток:

– Дальше смотри.

Вот это приборчик, издающий тревожный сигнал. Главная его часть хранится внутри саквояжа, замыкающий штырёк крепится у тебя на ремне длинным шнурком, что уходит вглубь баула. Даже если вдруг, не дай Бог, кофр у тебя выдернут из рук, штырёк размыкает цепь и в руках злоумышленника оказывается добыча, орущая благим матом почище пожарной сирены. Верещит минут пять. Под сверлящий визг напуганный воришка в страхе отбрасывает эту сволочь от себя подальше и не чаёт как можно скорей добежать до канадской границы. – Хмель раскрепостил Кеше речевой аппарат.

– Ты увлекаешься, Квентин, как я посмотрю. Остановись уже. И мне, пожалуй, машина нужна. Не попрусь же я по городу с таким богатством. И потом. Ты, как старый еврей на допросе, всё же многого не договариваешь. Такая сумма не похожа на взятку одному чиновнику. Это больше смахивает на оплату какого-то проекта. Деньги, известно, не пахнут, запах обычно идёт от прогоревших сделок. Эту вероятность ты просчитывал? Может, всё-таки, объяснишь, куда я сую свою неповинную голову?

– Да, брат... В том, что я в тебе когда-то не ошибся, убеждаюсь снова и снова. Твой аналитический ум будет сдерживающей силой в наших начинаниях. Мы завернем с тобой настоящее дело, Некрасов! Хао, я всё сказал! А теперь самое важное.

Пока въезд туда ещё возможен по паспорту, думаю, сумеешь обернуться и без регистрации. Я читал, что миграционную политику там собираются ужесточать. По прибытии возьмёшь на вокзале такси и поселишься в частной гостинице. Читай адрес, – он оторвал от перекидного календаря листок, показал мне, – запомнил? – и, чиркнув зажигалкой, сжёг.

– За грузом придёт человек и передаст для меня дыню. Буквально так: «Вы будете Олег Николаевич Некрасов? Прошу Вас передать Иннокентию Александровичу низкий поклон и этот небольшой подарок». Намертво запомни, Олег, это пароль. Усвоил? Человек отметит командировку, ты передашь ему содержимое вместе с баулом и вольный сокол!

– Расписку брать с него?

– С ума сошёл! Никаких расписок, всё на доверии.

– Слушай, я уже начинаю мандражировать. Ты инструктируешь меня, как настоящего шпиона. По всем законам детективного жанра.

Иннокентий открыл сейф и достал внушительный конверт:

– Здесь командировочное удостоверение и подорожные. Хватит на всё. И на гостиницу, и на прожитьё, на обратный самолёт и на подарки всем твоим дорогим. Забирай чёртов сундук, хватай в гараже «шестёрку» и вали с глаз моих!

* * *

Я ехал по слякотной Москве, не совсем понимая куда, и бросал опасливые взгляды на сверкавший жирным коричневым боком кофр. Безотчётное беспокойство пробирало меня до мозга костей. Сундук теперь принадлежит мне? Или отныне я принадлежу ему? Становилось тревожно от невиданного денежного объёма и моего нового состояния в этой непонятной игре. Совсем не хотелось оставаться с этим молчаливым грузом один на один.

Руль «шестёрки» непроизвольно выворачивал колёса в сторону Минского шоссе, туда, где недалеко от Москвы, за полосатым шлагбаумом живёт режимной жизнью военный городок Краснознаменск. Там есть единственно родной человек, «...кому повем печаль мою». Окружающая действительность стала буквально час назад колючей и неприветливой по отношению ко мне. В такой новой ипостаси разум не принимал меня за себя прежнего, и я чувствовал это неприятие кожей.

Уж не подельник ли я в неведомой криминальной игре? Не перешагнул ли я точку невозврата? Не мой ли коготок увяз и что теперь будет с птичкой? Именно сейчас есть крайняя необходимость поделиться с близкими своими страхами и сомнениями. Мне не терпелось увидеть это благородное семейство.

Шестилетний племян мой, Ромка, путаясь в соплях и пуховом шарфе, намотанном на горло, поздоровался басом. Маша, раздвигая намечающимся животиком межкомнатные висюльки, одновременно рассказывала мне семейные новости, щупала у Ромки лоб, подбирала какие-то разбросанные вещички и помешивала на плите обед.

– А вот и Серёжа, – сказала она, услышав звонок, – открой Олежек, я накрываю на стол. Будем обедать.

В блистающей форме вошёл улыбающийся Сергей. Я даже внутренне подтянулся, выгнув грудь, завидуя его выправке.

– Здравия желаю товарищ старший... О, приношу извинения! Уже товарищ капитан? – обнимая его, вижу на погонах новые звездочки. – Как там у Высоцкого – «Вот и упала шальная звезда / Вам на погоны»?

– Да, друг мой, время бежит, и мы стараемся не отставать. Но вот по поводу того, что шальная... У другого барда есть контраргумент:

«Но звёзды капитанские я выслужил сполна, аты – баты». Твои как дела, расскажешь?

– Ну, у нас дела куда как скромнее. Все наши звёзды пока на недостижимой высоте.

– Мальчишки, хватит философствовать, мойте руки и за стол.

– Ну, выкладывай, – утвердился за столом Сергей, – так просто в наше захолустье гости из столицы не бывают.

Выслушивая мои тревожные откровения, он мрачнел всё более. Наконец встал и, меряя кухню шагами, заговорил отрывистыми командирскими фразами:

– Дело с явным криминальным оттенком. Это раз. То, что твоя роль чисто посредническая, неплохо, но и не больно хорошо. Сумку собирали, видели и знают некие люди. Это усиливает фактор риска. – Он заглянул в раскрытый баул. – С такой массой наличности ехать нельзя. На ввоз валюты везде существуют ограничения. Этого следует остерегаться.

Весь кэш необходимо перевести в доллары. Менять частями в различных обменных пунктах, чтобы не привлекать ненужного внимания крупными суммами. Это значительно уменьшит объём наличности. Сумку из поля зрения необходимо изъять. В чем осуществить доставку? Тут надо подумать.

– Я, наверное, знаю, что делать, – включилась Маша, – можно, Серёж?

– Говори.

– На себе повезёт. Сошью ему потайное нижнее бельё с кармашками на липучках. Швейное ремесло всегда при мне. Пока он мечется по «обменникам», всё будет готово. Раздевайся до трусов, Олег, – и жёлтой змейкой взвихрила портновский сантиметр.

– Умница, малыш, – похвалил её Сергей, – хотя уловка древняя, как и сами деньги. На момент обострения с правоохранителями держи на взятку определённую сумму. Это работает везде. Лена твоя в курсе событий?

– Только в той части, что предстоит командировка в Душанбе. О деньгах разговора не было.

– И не надо, думаю, упоминать. С подобным известием ей будет недалеко до нервного расстройства, пока дождётся дорогого мужа обратно. Утром приедешь к нам и Маша тебя экипирует. А сейчас перекаладывай свой груз в мой старый рюкзак и лети в Москву. Времени, полагаю, в обрез. Засим разрешите откланяться. Служба.

Он поцеловал супругу и сынишку, затем протянул мне жесткую ладонь на прощание и шепнул:

– Не нравится мне всё это. Но если уж нельзя развернуть оглобли, то пусть тебе повезёт, Олег. Будь осторожен.

Пока я, как сказала Маша, метался по «обменникам», пару раз пытался звонить Иннокентий. Второй раз вообще ничего невозможно было разобрать, его состояние опьянения достигло «перигея», то есть точки, очень близкой к земле и положению риз. Мне становилось ещё тоскливее от непонятной жалости к нему. Умнейшая голова, хваткий производственник, да и просто мой старинный товарищ безжалостно сломлен чьей-то сторонней грубой волей.

И каким образом можно ему помочь, не приходило в голову. С какой стороны не зайди – всё тупиковая ветвь. Контрагенты мне неизвестны, сам Иннокентий со мной играть в открытую не намерен. А что я? С боку припёка?

Свалив Маше всю переведённую в валюту недружественной страны наличность, я не ощутил облегчения. Напротив, в левой пазухе заныла ещё одна заноза – как у меня хватило наглости втягивать в эти мутные, полукриминальные шуры-муры ангельски безвинную сестру? Да к тому же в интересном положении? Чтобы вдобавок к своим проблемам переживать ещё и за меня, дурака? Не скотина ли я после этого? На месте Сергея меня следовало бы развернуть за шиворот на 180 ещё на лестнице и дать хорошего пендаля.

Для придания ускорения.

В субботу вечером я попросил Лену:

– Слушай, может, позвонишь своей Гургеновне, отпросишься. Проведём последнее воскресенье вместе. Сходим к обеду. А потом смотаемся куда-нибудь. В кафе, например. Или в кино... на последний ряд, а?

– Какое кино, родимый? Сам прекрасно знаешь, что в выходные дни у торгашей самая работа. Когда ещё народу ходить за покупками? Наши уехали вчера в Одинцово на выезд-

ную ярмарку, а мне в воскресенье поручено организовать возврат палаток и нереализованного товара. Вот тебе кино, вино и домино.

И уехала ни свет, ни заря.

Через часок и я вышел из дома. Тянул в храм давний навык – начинать воскресный день с литургии. Церковь Рождества Богородицы расположена неподалёку. Маленькая и по-домашнему уютная, всем своим благолепием погружала меня в воспоминания о днях, проведённых в нашем Свято-Никольском монастыре. Поставил свечи, подал записки о здравии и упокоении всех, кого помню и люблю. По окончании богослужения испросил у батюшки благословения на дальнюю дорогу и приложился кресту.

Вот теперь порядок, а иначе долгое непосещение храма изматывало меня, как несданный зачёт или неоправданный прогул.

Остаток дня мотался по комнате: от телевизора к оконному проёму с неугасимым факелом на горизонте. Собрал в рюкзак и не на один раз перепроверил всё, что будет необходимо в дороге. И постоянно прокручивал в голове вопрос: «Где же была твоя, Некрасов, хваленая природная осмотрительность, если так легко удалось Иннокентию втянуть тебя в малопонятное предприятие с явным криминальным душком?»

Под вечер спустился в гастроном зацепить чего-либо к ужину. Ну и, пожалуй, отвальную бутылочку сухого. «Шестёрка» покорно ожидала меня возле подъезда. Маясь от одиночества, пробовал звонить Иннокентию, но вызовы мои утыкались в стандартную фразу автоответчика: «Телефон абонента выключен... и т. д.».

Лена вернулась ближе к полуночи. От неё пахло спиртным.

– Отметили с девчонками. Выручка случилась куда как выше всех ожиданий. Ой, да у нас стол накрыт! А что за причина, Олег?

– Вообще говоря, я завтра уезжаю, если ты помнишь, конечно.

– Слушай, не натягивай струну, я всё прекрасно помню, – неверными движениями она стаскивала с себя одежду, – но разлука разве повод для застолья? Ты же ведь ненадолго, правда? Помоги расстегнуть. Спасибо. И потом, перечить Гургеновне, всё равно, что против ветра... ну, ты понимаешь. Все брызги в лицо. Я в ванну и спать, – обвив мою шею руками, обмякла в свободном висе, выказывая крайнюю усталость. – Прости, Олежек, я так умаялась, что нет сил. А если ещё и выпью, то грохнусь на пол посреди комнаты.

В свете ночника я сидел за столом, прислушиваясь к Ленкиному сопению, и лениво жевал дырявые пластинки сыра. Блики от факела сполохами пробегали по стеклу непечатой бутылки. Куда-то незаметно подевались переживания мои и смятения. Облако безразличия и вялой отрешённости окутало голову и опрокинуло в тяжёлый сон.

Когда же с трудом оторвал голову от затёкших рук, распластанных по столу, на экране будильника высвечивалась зелёным утренняя рань – 5.30. Крадучись, в носках, прошёл к секретеру и, добыв лист бумаги, написал:

«Поезд в 12. 30 с Казанского. Встретимся под стендом „Прибытие – Отправление“. Если вырваться с работы не получится, звони. Твоей драгоценной Ануш-джан поклон. За вчерашнее не сержусь, но досадую. Знай, не море топит корабли, а боковые ветры! Олег».

Оделся, подхватил рюкзак с дорожными вещами, ключи, документы. На цыпочках миновал пахнущий жареной рыбой коридор, неслышно прикрыл дверь и спустился во двор. Пока разогревалось остывшее нутро машины, я пару раз обернулся на наше окно.

Слепое и равнодушное, оно ничем не выделялось среди остальных.

* * *

Ах, Маша! Милая моя сестрёнка, какая же она у меня рукодельница! Пошитые ею облегающие шорты с широким поясом сидели на мне, как влитые. Весь мой бумажный груз словно

растворился в узких кармашках. Ощутить какую-либо тяжесть не давали широкие ляжки по плечам. Ведь и про гультфик не забыла! Ай, молодца!

– Свои документы и деньги храни здесь же, – она раздёрнула на поясе незаметную молнию, – бережёного Бог бережёт! Всё хорошо, одевайся.

Надев рубашку и костюм, я не только не ощутил никакого стеснения в движениях, а наоборот, меня охватило чувство какой-то воинской подтянутости, собранности и лёгкости. Мы обнялись.

– Ты уж прости, Маш, что впряг вас в эту затею. А уж тебе лишние расстройтва никак не на пользу. Прости. Буду стараться, чтобы всё сложилось удачно. Слушай, а где же Сергей?

– Серёжа улетел ночью в командировку во Владивосток. Как бы нас, братец, в тот округ не перевели, разговоры ведутся нешуточные. Но, пока рано об этом. Скоро Ромка проснётся, пойдём-ка со мной, – сестра протянула руку, и мы вошли в маленькую комнату, в её рабочий кабинет. Шкаф, лекала, чёрный портновский манекен, раскройный стол, швейная машинка и в углу небольшой иконостас. Маша подсветила лампадку:

– Мне трудно, а ты встань на колени, Олег. Помолимся перед дорогой. «Господи, услыши молитву мою, внуши моление моё во истине Твоей, услыши мя в правде Твоей...» – наизусть читала Маша из чина благословения в путешествие.

Память на молитвы у неё была завидная с детства. Помню, даже мама, молясь и споткнувшись в забывчивости, оглядывалась к Маше, и та продолжала мгновенно с того же места. Тёплый ручеёк речитатива струился прямо в сердце моё, пробуждая детские воспоминания о светлых православных праздниках.

Рождество Христово. Вертеп из снеговых блоков, запах хвои и мандаринов. Колокольный перезвон, освящение куличей и крестный ход в Праздник праздников – Пасху Красную. Коленопреклонённые моления и народные гуляния в солнечную и ярко – зелёную Троицу. Слаженный и проникновенный хор на клиросе нашего храма. Спешащая к службе молодая и стремительная наша мама, с нотами литургического распева наперевес...

Щекотало в носу и наворачивались слёзы. Я обращался к образу, даже не зная наверняка, по поводу чего: «Господи, помоги! Спаси, сохрани и помилуй!». Помнил мамины наставления – «Не надо просить ничего конкретного, просто молись. Господь знает все твои нужды и непременно поможет, если узрит твою искренность».

Маша закончила читать и мы, поклонившись Красному углу, вышли. Восстал ото сна Ромка и я поднял его за тёплые подмышки:

– Здорово, солдат! Поправился, или всё хандришь?

– Температуру сбили, а так ещё надо долечиваться, – отвечала за него мать, а отпрыск тёр кулачком глаза. – Он до конца и не проснулся, похоже.

– Ну, стало быть, ладно, надо отчаливать. Машину ещё успеть отогнать в гараж, время уже начинает поджимать. Давайте будем прощаться.

– Подожди, Олег, – Маша достала из морозилки пакет, – здесь стандартный дорожный набор: курица, котлеты, яйца вкрутую. Вчера делала, за ночь всё замёрзло в камень, растянешь на подольше. Ехать столько суток, с ума сойти!

– Ма-а-ша, – я благодарно прижимал руку к сердцу, – ну зачем столько?

– Куда только всё это положить, – оставляла она без внимания моё нытьё. – Хлеб ещё, молока пакет...

– Что ж, давай в этот кофр, в коричневый. Мне же его велено сдать вместе с грузом! Забыл совсем. Вот и рюкзак Серёжин освободился. Я поцеловал Ромку и обнял сестру:

– Спасибо тебе, дорогая моя, только ты и озаботилась моей неприкаянностью. Спасибо.

– Ещё минуту, – Маша сняла с иконостаса маленькую, в латунном окладе, иконку Спасителя, поцеловала, широко перекрестила ею моё отъезжающее страдальчество. – Возьми

с собой. Самый сильный оберег. Сильнее не бывает. Буду ждать возвращения, Олег. Ангела хранителя в дорогу. Помоги тебе Господи!

* * *

Я стоял под стендом «Отправление – Прибытие» Казанского вокзала и сочинял стихи, нагло заимствуя из народного творчества:

«Приехала Лена, упала на грудь, / Милый Олежек, меня не забудь!».

Мои немецкие часы, маршируя обратным ходом, упрямо сокращали остающиеся минуты до отправления состава с важной надписью по борту «Москва – Душанбе». Уставши торчать перед глазами пассажиров, разглядывающих расписание, отошёл в сторону, не выпуская из вида и стенд, и выход из метро. Один раз дёрнулся к знакомому, вроде, плащику, но нет. Красивая, стремительная и длинноногая, но не она. И вот тут...

В мелькании лиц, в разношёрстности одеяний и толчее чемоданов на колёсиках что-то заставило меня вздрогнуть. Во всей этой людской мешанине боковым зрением я фотографически выхватил лицо с редкими черными усиками над «заячьей губой». Видение секундное, но я абсолютно уверен, что это именно тот парень, который привёз к фабрике Иннокентия на белом внедорожнике. Гундосый.

Но, мало ли, почему он здесь... И наоборот, почему он здесь?

По громкой связи объявляют посадку. Закинув кофр на плечо, двигаюсь к своему восьмому вагону, на ходу слушая в телефоне Ленкино щебетание о том, что Гургановна... что работа... что пробки... что не успеть... Не приедет.

Перевожу телефон в безжизненное состояние и пробую успокоиться. В последней надежде окинув потухшим взором перрон, поднимаюсь в железный створ вагона и заглядываю в своё купе. Там мельтешится, раскладывая по различным местам вещи, целое таджикское семейство. Ещё довольно молодая симпатичная мама в национальном узорчатом одеянии, подросток сын, лет около тринадцати и очаровательная черноглазая егоза лет пяти от роду с куклой на руках.

– Добрый день, – отмечаю я своё присутствие.

– Здравствуйте, – чуть ли не хором отвечают попутчики, – мы скоро.

– Устраивайтесь, не торопитесь. Дорога неблизкая.

– А ты с нами поедешь? – вскидывает ресницы малышка.

– Да, если не возражаешь. Тебя как зовут?

– Лайло, а тебя?

– Лали! – одергивает её мать, быстро сказав что-то на своем языке.

– Меня дядя Олег. Ты куклу укладывай, потом поговорим, хорошо? Не через порог.

За вагонными стёклами уплывают назад в Москву купола храмов, прямоугольники многоэтажек, переходные мосты и промышленные зоны с дымящимися трубами. Мозаика моего настроения на данный момент складывается из одних негативных блоков.

Не пришла проводить Лена – это раз. Ехать чёрт-те сколько, а едва тронулись – это два. Чуть ни неделю существовать в ограниченном пространстве с малым ребёнком – это, практически, шесть! Ну и... «мимолётное видение» в привокзальной толчее. Это слегка тревожит, а поддается анализу с трудом.

– Пожалуйста, заходите, – прижав ладонь к груди, приглашает с поклоном попутчица, – меня зовут Дилором. Это сынок, Максум. Ну и дочка. Сама успела уже представиться.

– Олег Николаевич, а лучше просто Олег.

– Мы все побудем здесь, в коридоре, располагайтесь, пожалуйста.

Странно, все очень чисто говорят по-русски. И, по догадкам, не менее чисто на своём языке. Место мне принадлежит нижнее, но я, конечно же, уступлю его черноглазой непоседе. Если по дороге не поделят кого-нибудь ещё.

Втиснув кофр между вещами моих соседей под сиденье и переодевшись в Серегин спортивный костюм, молодецки вспрыгиваю наверх. Эта ночь, даже не ночь, а какие-то часы, что я коротал до рассвета за столом, дневные хлопоты и вокзальная нервотрёпка утомили меня до крайности. Я восклицаю семейству «Заходите!», достаю из кармана пиджака иконку Спасителя, крестясь, пристраиваю её на откидной сеточке и в томлении вытягиваюсь всем телом. Окружающая действительность разом обрушивается в бездну беспамятства и мертвецкого сна. Когда же очнулся, не враз и сообразил, где нахожусь. Свесив кудлатую голову вниз, осмотрелся. Соседка говорила с заботливой укоризной:

– Олег, вы лежали без движения так долго, что я начала волноваться и собиралась уже разбудить. У вас всё в порядке?

– Нет-нет, всё хорошо, просто ночью мало спал. А где мы сейчас, Дилором?

– Мы, правда, не следим, но вот Рязань уже проехали.

– Лялька, а ты знаешь, что в Рязани пироги с глазами? – Говорю я в ответ на любопытный и хитрющий взгляд огромных чёрных детских глаз. – Не веришь? Правда - правда! Их едят, а они глядят!

Мне становится тепло и хорошо от того, что все смеются и девочка тоже, хотя вряд ли она поняла смысл моей присказки.

Достал кофр, взял пенал с туалетными принадлежностями и выглянул из купе. Коридор был пуст. Тоненько подрагивали шторы на окнах, отзываясь на перестук колёс под ковровой дорожкой. В левом тамбуре ожидала своей очереди спиной ко мне молодая девушка или женщина с ядовито-жёлтым полотенцем на плече. Правый туалет был, похоже, свободен и я двинулся в ту сторону.

Закрывшись изнутри, всмотрелся в своё отражение. Из рамы глазел заспанный и небритый дяхан в мешковатом спортивном костюме. Зеркало брезговало моим изображением. Ну и ладно! Вот ведь ещё... Подогнув воротник и засучив рукава, принялся приводить себя в порядок. Но по известному закону подлости, едва успев выбрить одну щёку, чуть не взвился от резкого стука в дверь и командного окрика:

– Санитарная зона! Освобождаем туалет!

Не подчиняясь настойчивому стуку, и не спеша добрился, сполоснул мятое лицо, а открыв дверь, сходу нарвался на «любезность» от пожилой проводницы:

– Ты на глухого-то не похож, чего же наглеешь тогда?

– Ладно, мать, извини. Есть процессы жизнедеятельности, прерывать которые вредно для здоровья.

– Вот из-за таких хулиганов нас и ругают. Все путя перед станциями загажены по вашей милости! Шагай отсюда, спортсмен.

– Ну, извини ещё раз. Чайку занесёшь в седьмое купе, хорошо?

– Сейчас тебе, разбежалась, – уже примирительно соглашалась она.

– А как обращаться-то к тебе, мать командирша?

– С хулиганами не знакомлюсь. Проваливай, у меня станция, – и чуть не оглушила, – Мичуринск! Стоянка пять минут!

Состав, бряцая сцепками, тормознул так резко, что я проскочил своё купе, едва не выронив коробку. Оттянув дверь, я остолбенел! В проходе, спиной к окну, стояла белая лицом Дилором, плакала, уцепившись за мамин подол, Лялька. Забившись в угол на верхней полке, трясся от страха мальчишка. Нижние сиденья подняты, а вещи выброшены в проход.

– Что? Что такое? А? Отвечайте, ну!

– Они с ножом, Олег! Двое... Не велели выходить. Утащили вашу сумку. Сказали нам молчать и не двигаться...

– Кто такие, обрисуй быстро!

– Они молодые... девушка и парень... высокий такой... с ножом.

Я бросился к проводнице:

– Кондуктор, ограбление в вагоне, вызывай бригадира срочно! В эту сторону кто-нибудь пробежал? Парень и девушка?

– Да нет. «Служебка» открыта, всех вижу. У тебя, что ли, чего украли, спортсмен?

– Государственные деньги! – Ляпнул я сдуру, совсем забыв, что в портфеле их давно нет. – Дуй, говорю, срочно к бригадиру, пусть радирует ментам на следующую станцию.

«Значит в „голову“ состава бросились», мелькнуло. Пытаясь догнать негодяев, я лихо перескакивал вагоны и прокуренные тамбуры, пока не споткнулся в одном из них о свой выпотрошенный кофр.

На затоптанном железном полу валялись рассыпавшиеся котлеты и варёные яйца, пакет с курицей, раздавленная в спешке упаковка молока и чужое, жёлто-горячей расцветки, полотенце. Именно оно, это полотенце явилось последним пазлом, составившим цельную картину произошедшего. Филёрша из левого тамбура выпасла меня. И отправила «маяк» подельнику. Пока я в туалете бранился с зеркалом, времени на операцию им хватило с лихвой.

Я подобрал пустой кофр, набросил на плечо и побрёл обратно, молча разминувшись с догнавшей меня проводницей. Бесполезность дальнейшей погони была очевидна. Эта пара, гусь да гагара, или затаились по разным купе, или, что верней, давно смешались в Мичуринске с вокзальной публикой. Такие вот пироги с глазами...

Сергей оказался прав. За мной следили. Цель ясна, как белый день – завладеть деньгами. Я не ошибся, «Гундосый» на вокзале был. Именно он показал меня этой парочке. Хотя, как? Ведь мы с ним незнакомы! Приметный кофр? Или моей персоной заранее интересовались прицельно? Замешан ли тут Иннокентий? Н-не думаю. Его, как и меня, похоже, хотят выставить «терпилой» и слупить с фабрики долг, включив «счётчик». Или, допустим, используя невозможность возврата денег, осуществить рейдерский захват предприятия.

Однако, пацаны, лично я думаю несколько иначе! Немудрёная уловка моей дорогой сестры уже скорректировала в минуса замыслы организаторов операции. Это раз.

Доморощенные Бонни и Клайд с чувством глубокого разочарования уже «обрыбились» на предмет моего портфельчика. Это два.

И третье – я улыбаюсь во все имеющиеся, представляя морды моих филёров после того, как хозяева зададут им простой вопрос: «Где деньги, Зин?». Они ответят, конечно, что их там не было и им, конечно же, безоговорочно поверят!!!

Инстинктивно ошупав себя через «треники», вздохнул немного свободней и присел на Лялькину скамью. Семейство сверлило меня испуганными чёрными глазищами. Осторожно вошла проводница:

– Убрала там всё. А вот курица-то в пакете, не запачкалась нисколько. Может, возьмишь? – В голосе её сквозила какая-то виноватость.

– Как зовут-то тебя, хозяйка?

– Зина.

«... резиновую Зину в корзине принесли», – лезла в голову всякая чепуха. Я сдёрнул с вешалки костюм и взял ботинки:

– Мать, найди мне свободное место где-нибудь. Пусть они закроются и отойдут. Напуганы, посмотри, до полусмерти. А всё из-за меня. Диляра, Лялька, простите Христа ради. Разве мог я подумать. Простите...

* * *

«Никогда я не был на Босфоре...», но проезжая по Душанбе в такси, ловил себя на чувстве неловкости странника в рубище, случаем приглашённого во владения лучезарного и солнцеликого эмира, мир ему и благоденствие! Слишком уж разительно контрастировал этот

таджикский султанат с устремлёнными в небо мечетями, минаретами и дворцовыми сводами с вросшей в моё сознание Капотней.

Понимая, что в режиме порученной миссии вряд ли удастся побродить по городу, я попросил таксиста крутануться по центру и наиболее примечательным местам столицы. Тот, привыкший к восторгам туристов, проявил недюжинное радушие, и улыбка не сходила с его смуглого лица. Звали водителя Сухроб. Простецкий радушный мужик и патриот своего города.

Глаза мои не успевали отхлопать ресницами от удивления, умиляясь одному шедевру архитектуры, как тут же наплывали ещё более грандиозные сооружения. Я без остановки крутил головой и спрашивал таксиста:

– А это памятник кому? А это что? Да не может быть!

Сухроб терпеливо объяснял, озираясь по сторонам, но дорогу контролировал чётко. Мне оставалось лишь с восхищением удивляться тому, какое созвездие великих имён национальных героев и поэтов древности приходится на этот, даже не миллионный город! Посудите сами: Самани, Рудаки, Низами, Хайям, Фирдоуси, Саади, Авиценна, Ширази, Навои... Все по-своему знаменитые имена довольно прочно на русском слуху и перечень не полон отнюдь!

Калейдоскопическое разноцветье по всему пути следования – синее небо, много зелени, фонтаны, женщины в национальных одеждах, ковры, халаты, тибетейки. Лепёшки величинной с мексиканское сомбреро, длиннющие ряды фруктов, овощей и пряностей, пирамиды дынь и арбузов! Открытым окном машина черпает чуть горьковатый запах тлеющих мангалов и томящихся на них шашлыков. У мусульман недавно закончился пост. И над всем этим буйством красок пронизывает небосвод самый высокий в мире, флагшток с трёхцветным развевающимся полотнищем, площадью с хоккейное поле – государственным флагом независимого Таджикистана!

Когда мы прорвались ближе к окраине столицы, я даже выдохнул с облегчением – уж больно неподъёмный груз впечатлений обрушился на меня всей своей грандиозностью. Есть, есть от чего вскружиться праздной голове!

Расплатился с таксистом не скупясь. Сухроб же, улыбаясь в ответ, протянул мне самодельную визитную карточку с номером телефона.

– Огромный рахмат, дорогой русский друг! Добро пожаловать в Сталинабад!

Ну, вот и конечная цель путешествия.

И здесь приходится с удивлением отметить, что среди неказистых жилых построек окраинной части города этот красного кирпича двухэтажный особняк с коваными решётками по первому этажу вызывает у меня некоторую оторопь. Как-то совсем не похоже на частный мини-отель.

А *«лица необицм выраженьем»* выступают красочные витражи в оконных проёмах верхнего уровня! Зелёные насаждения, кажется, совсем не имеют целью скрыть роскошный дом от посторонних глаз, напротив, они выгодно оттеняют вспыхивающие на предвечернем солнце витражные цветные переливы.

Невысокая ограда фактурного белого камня с металлическими коваными воротами. Собаки, по всей видимости, нет, как нет и звонка. Но адрес на табличке соответствует искомому, и я уверенно захожу в арку калитки. Тотчас навстречу распаивается в доме резная тяжелая дверь, словно только меня здесь и ждали, неотрывно глядя в окно.

На пороге средних лет женщина в цветной туникообразной накидке, шёлковых шароварах и мягких ичихах. Улыбаясь и прижимая ладонь к груди, она приветливо кланяется, позвякивая массивными серебряными подвесками:

– Асс алому аллеикам, здравствуйте, здравствуйте!

– Я правильно попадаю? – вопрошаю, частично сомневаясь, мне ли предназначено такое радушие.

– Так, так! Вы Олег из Москвы? Значит, всё правильно. Мархамат, проходите, пожалуйста!

Женщина хорошо и словоохотливо говорит по-русски, изредка вставляя в речь национальные обороты. Неискоренимо, что мы когда-то жили единой многонациональной семьей народов под названием Советский Союз.

– Меня зовут Хадича, а вас как по отчеству?

– Не надо никаких отчеств, просто Олег и, пожалуйста, на «ты». Ведь, судя по возрасту, я вам в сыновья гожусь. Кстати, у вас отличный русский.

– Томский педагогический университет, большой ему рахмат. Специальный выпуск педагогов для азиатской части страны. Идёмте, я покажу вам комнату.

– Тебе. Мы ж договорились.

– Хорошо, покажу тебе твою комнату, Олег, – широко улыбалась она, и я чувствовал, что пришёлся ей по душе.

В просторной прихожей царил прохладный полумрак. Удалось разглядеть только прямоугольную глыбу изразцового камня с бронзовой птицей, цепко держащей в когтях золотое яблоко часов, и по сторонам инкрустированного столика два зачехлённых кресла. А ковры... Мама, какие ковры и сколько их!

– Персидские?

– Бухарские. Старинной ручной работы.

По дубовой лестнице хорошей выделки поднимаемся на второй этаж. А что такое, спрошу я вас, лестница хорошей выделки? Без детализации это просто фигура речи. Отвлечемся немного.

Первым у всякой приличной внутридомовой лестницы гостя встречает начальный или, как его величают столяры-краснодеревщики, «заходной» столб. А что есть столб в нашем понимании? Просто дубина стоеросовая. Сучковатая орясина с проводами.

Здесь же – произведение искусства, задающее тон всей лестничной композиции и ненавязчиво указующее на вкусовые предпочтения и статус хозяина. Резные заглавные столбы могут иметь бесконечное разнообразие форм – от простого шлифованного бруса до античного атланта, несущего на могучих плечах громадную вазу, полную деревянных фруктов.

В нашем же случае мы имеем затейливое переплетение отполированных дубовых корней, изображающее клубок змей, стремящихся пленить крылатую крюконосую горгулью с высунутым ядовитым языком. Ответвляясь от жутковатой композиции изящным изгибом, прямо в ладонь, будто сама, вкладывается теплая и бархатистая поверхность перил.

Если кто в жизни держал в руках хорошие коллекционные ружья, должен помнить тот благородный изгиб ложа приклада, когда все пальцы руки попадают ровно на то место, где им единственно и следует быть. Перила именно такие – не широкие и не узкие, не горбатые и не плоские. Я сказал бы – умные. Внешняя ложбинка несколько глубже внутренней, что даёт возможность не просто елозить ладошкой по поверхности, а по-хорошему взять перила в горсть, что существенно поможет при подъёме – это раз, и вы сумеете цепко ухватиться за них, оступившись при спуске, – это два.

Широкие ступени по высоте на чуточку меньше отстоят одна от другой, чем на стандартных лестничных маршах. И здесь есть определённый смысл – пожилым членам семьи это облегчает многочисленные спуски и подъёмы. И снова, – куда же без ковра? Зелёная дорожка короткого и жесткого ворса туго перетянута по каждой ступени латунными штангами с удерживающими кольцами по краям.

Между перилами и ступенями вместо обычных резных балясин виден плод буйной фантазии мастера художественнойковки. Хотя, если присмотреться, можно заметить, что некоторые детали орнамента повторяются и на решётках окон первого этажа. Но это говорит лишь

о том, что здесь работал талантливый мастер-кузнец. Причём один. То есть не штамповка, но талантливая авторская работа.

От правой лестничной тетивы вверх по стене идут, не выпрягаясь из заданной геометрии, полированные филёнчатые панели, над которыми развешены по ранжиру портреты бородатых людей в национальных одеждах. На поворотной площадке я оглаживаю шарообразное навершие на вычурном резном столбце и больше не сдерживаю восхищения:

– Хадича, да это же просто музей!

Она не ответила на моё восклицание, лишь чуть ниже опустила голову. Показалось, что ей почему-то не хочется делить со мной праздный восторг от роскошного интерьера. «Женщина, по всей видимости, здесь не хозяйка», – отметил я себя за проникательность. Мы прошли по коридору второго этажа, миновав несколько дверных проёмов, также облагороженных резными полированными доборами.

У последней двери, почти в тупике, Хадича остановилась и, достав из складок своего одеяния латунный ключ, протянула мне. По плоскому брелочку закручивалась в обратную сторону, словно стрелки у моих часов, загадочная арабская вязь.

– Милости просим, Олег. Здесь найдешь всё необходимое, – проговорила она, не смея войти внутрь. Сказывалось мусульманское воспитание. – Ровно через час спускайся, пожалуйста, к ужину, – и, неслышно скользая ичигами по ковровой дорожке, удалилась.

Справившись с незнакомым замком, я очутился, как бы это сказать попроще, ну пусть, в «предбаннике». В уютном квадратном коридорчике с моим появлением сам собою загорелся неяркий свет и взору предстали две двери. Одна, белого матового стекла, была приоткрыта, и видневшийся фрагмент просторной ванны без осмотра комнаты указывал на её предназначение. Там же и закуток, *«куда цари пешком ходили»*. Несмело толкнув второе дверное полотно, я вошёл... в комнату? в номер? в VIP – апартамент? в люкс президент-отеля?

По натёртому восковой мастикой паркету струилось мне под ноги дивное разноцветье бликов от витражного окна, пронизанного отблесками закатного солнца. Света было достаточно, чтобы в полной мере оценить роскошество обстановки. Великолепная двуспальная кровать на литых львиных лапах в арочном алькове была затянута цветным парчовым покрывалом с тиснёным узором. Две огромные подушки с покрытием из натурального шёлка, отороченные декоративной тесьмой.

А по-над этим царским ложем крылом бога сновидений Морфея простирался атласный балдахин с золотой бахромой и кисейными занавесями, поддерживаемый четырьмя витыми колоннами по углам. Про ткани объяснять мне не надо – они моя профессия в некотором роде. И всё же, понимая, что когда-нибудь мне придётся лечь в эту, практически, музейную экспозицию, я внутренне содрогнулся.

Остальной мебели было немного, но тоже качества превосходного. Прикроватная тумба с телефоном и светильником на мраморной подставке, двустворчатый шкаф для одежды, ореховое бюро-секретер с множеством ящичков, небольшой бар с зеркалом и подсветкой, два кожаных низких кресла и огранённого стекла журнальный столик на кованых ножках.

С детской наивностью любопытствуя, я приподнял трубку стилизованного под старину телефона, послушал гудок, завистливо хмыкнул и положил обратно. Стал повнимательнее оглядываться. А сказать по правде, затравленно озираться. Но через минуту вздрогнул от стука в дверь. В коридоре стояла Хадича с полотенцем на плече:

– Слушаю, Олег.

– А-а, так это не телефон, – стал догадываться я.

– Да, это вызов персонала. Стационарный есть внизу, но в нём мало кто нуждается. У всех сейчас мобильники.

– Хадича... – я мялся, как пионер, которому не хватает на мороженое, – досточтимая Хадича, а вы не могли бы переселить меня в другую комнату. Попроще. Оплату столь роскошного номера я могу и не потянуть. Это, вероятно, хозяйский апартамент?

– Что ты, азиз Олег! Разве правоверный мусульманин допустит в свою кровать иноверца? Покои хозяина под строгим запретом, – она повела рукой в другой конец коридора. Только сам Нуруло сюда очень редко заглядывает. Живет постоянно в Хороге. А смущаться тебе никак не стоит, все гостевые номера одинаково оформлены. Простых постояльцев здесь не бывает, поэтому ни о какой оплате никогда и речи не ведётся. Располагайся смело и не забудь про ужин, чтобы не остыл, хорошо?

– Всё понял, уважаемая Хадича, большое спасибо.

Вернувшись в апартамент, я внутренне ощутил, что плечи мои расправились. Осмелев, потянул бронзовую ручку окна вниз. Запорные штанги вышли из гнезд и витражные створки легко распахнулись. Открывшийся взору вид зелёного и ухоженного заднего дворика умиротворял и... о, чудо!

Вдалеке, за вершинами деревьев горел позолотой крест православного храма! Сразу повеяло таким родным и привычным, что я тихонько засмеялся, дивясь нечаянной радости, и осенил себя крестным знаменем. Очень кстати была мне сейчас эта невещественная православная поддержка, я переставал чувствовать себя одиноким в чужой стране. Мои легкие наполнялись вечерней прохладой, притекающей, казалось, именно от этой золотокупольной святыни. Крепла внутри уверенность, что я непременно пойду в храм завтра утром к ранней литургии и обязательно найду там своих русских братьев и сестер, своих единоверцев.

Это ли обстоятельство, или разрешение пользоваться всей роскошью апартаментов по своему усмотрению, а, возможно, и причисление моей персоны к категории «непростых» гостей раскрепостило, и я довольно развязно швырнул кофр в одно из кресел и бесцеремонно плюхнулся в другое.

С прибытием, Олег Николаевич!

* * *

– Слушай, – отвлёкся от дороги Андрей, – но вот когда ты сказал про русскую церковь, я примерно понимаю, где это. Такой храм, по-моему, в городе как раз один. И особняк этот помню – там раньше собиралась памирская диаспора. Северные памирцы, которые обосновались в Душанбе. Они же, хоть и причислены к Таджикистану, но живут, говорят и веруют по-своему.

– Это как, по-своему? – прикинулся я несведущим.

– Ну, так. В мечеть не ходят, молятся дома. Не пять раз в день, а два. Пост в Рамадан не держат. Таджики говорят о них: «Памирцы не знают Бога». Вера иная. Причем гордые необычайно. Про себя говорят: «Памирцы тогда лишь встают на колени, когда целуют памирский флаг!». Они какие-то исмаилиты. Вообще в исламе столько течений – сходу и не разберешься.

– Смешение «племён, наречий, состояний»? Так дело обстоит?

– Ну да, запутано всё. Но зато, Олег, девчонки с Памира, – он завёл глаза под лоб, – одно загляденье. Красавицы, писанные самим Аллахом!

– Да ладно. А мне приходилось когда-то читать, что первое место по красоте среди азиатских народностей держат именно таджички, – неохотно прячу незабываемые моменты своего личного опыта.

– Чего ты там читал? Кто их возьмётся учитывать и сравнивать в ихнем Бадахшане? Кто полезет к ним в горные кишлаки? А они ведут родословную из Персии. Воспетые поэтами персиянки – предки бадахшанских красавиц. Арии они, только восточные. Таджички, не спорю,

тоже есть красивые и стройные, но эти... Нет, я просто не сумею объяснить, если ты сам не видел, рассказывать гиблое дело.

«Ах, Андрюша, дорогой ты мой! Может, я и открою тебе когда-нибудь мою историю всю без остатка, но не сейчас».

– Может и видел, просто отличить не умею.

– Вот и дело. А у меня уже глаз приспособился, сходу отличу. Имею личный опыт.

– А жена у тебя, говорил, русская.

– Ну, это, брат, особая статья. Куда же девать все национальные и религиозные запреты на связь мусульманок с русскими. Родственники, опять же, имеют большое влияние, – он молчал, а я не смел прервать его раздумчивости. – Вот и у нас с Рузи не сложилось. Живет, слышал, в Худжанде. Замужем по всем ихним правилам. Со школы больше так и не виделись.

– Но ведь какой сейчас век на дворе? Так ли уж нерушимы эти правила? Что же, не бывает исключений?

– Бывают. Но, за эти исключения кому-то навешивают плетью с «походом», а кому-то и побитие камнями. Со смертельным исходом.

После этих слов у меня переключился речевой аппарат, и я тупо уставился в убегающее под капот прокалённое солнцем дорожное полотно.

* * *

Ну что же, думаю себе, надо начинать обживать на новом месте. Нельзя опоздать к Хадиче на ужин и с первого часа знакомства проявить неуважение к местным традициям. В ванной комнате я взглянул на себя. Так и есть, «...не брит, не чёсан, в манишке солома...». Стянув «шорты-кошелёк», голышом выскочил в номер. Выдергивая ящики бюро, в одном из них обнаружил малюсенький ключ. Заперев довольно уже надоевший груз в нижний отсек, испытал даже некоторое облегчение. А что? С доставкой я справился, а остальное, полагаю, дело техники и чистая формальность. Продев ключик в цепочку нательного креста, предался блаженству водных процедур.

Сквозь тёплые струи разглядывал интерьер, по роскоши напоминающий мне ванную комнату в номере турецкого пятизвездочного отеля, где мы с Леной отдыхали неделю в прошлом году. Растёр тело огромным полотенцем, умастил гладковыбритую физиономию французским лосьоном, обнаружив знакомый в целой батарее флаконов дорогого парфюма, набросил белую футболку, брюки и ещё раз осмотрел себя в ростовом зеркале. Не кинозвезда и не секс символ, но ведь и «не лыком шит и не пальцем делан»!

Мама напевала иногда: «Не скажу, что я красива, / Просто сим-патич-на-я!» Да! А чего? Метр восемьдесят два, чёрная шевелюра, улыбка с плаката стоматолога. Сам себя не похвалишь... Впрочем, довольно.

Медленно ступая и скользя ладонью по перилам этой изумительной лестницы, я спустился на первый этаж. Хадича уже ждала моего появления. Неслышно проминая вездесущие ковры, мы прошли в соседнюю комнату. Добрая половина орехового стола, рассчитанного на шесть персон, была заставлена национальными яствами.

– Прошу к столу, уважаемый Олег! – Хадича улыбалась, глядя на моё вытянувшееся от изумления лицо. – Давай я познакомлю тебя с нашими закусками. Начинай ужин с этого салата. Он называется «Ачичук», но, будь осторожен, там присутствует перец чили и уксус. Вот в этой широкой деревянной тарелке овощная нарезка на курте, растворенной кисломолочке, – «Курутоб». А основное блюдо, – она доставала из мантышницы источающие пар и похожие на огромные пельмени манты из баранины, – таджикский «Хушан». Такого блюда ты не пробовал наверняка. Ну, плов ты знаешь. Его хорошо с барбарисовым морсом.

И обязательно отведай этого сладчайшего арбуза. Уникальный богарный сорт. Выращивается только на высокогорье. Двухметровыми корнями он вытягивает из почвы все полезные минералы. В России такого не купишь.

Гора лепёшек на резном подносе, порезанная изящными дольками дыня, ваза с разноцветным виноградом, охапка пряной свежей зелени. Два кувшина с напитками и причудливая расписная кукла посреди стола. Перехватив мой вопросительный взгляд, Хадича взяла куклу за макушку и подняла. Под широким вышитым подолом оказался большой керамический чайник, перевитый национальным прорезным орнаментом.

– Чай, – просто сказала хозяйка и опустила куклу на место, – зелёный чай. А это чойникпушан. Грелка. Чтобы не остывал.

Над всем этим роскошеством невидимой пеленой струился смешанный запах специй: лавр, базилик, чеснок, молотая зира, что-то ещё... С ужасом вспомнилось, что у восточных народов в ходу старинный обычай – чтобы проявить уважение к хозяевам, есть нужно много и еду бесконечно нахваливать. Заглядывая домоправительнице в глаза и кивая в сторону стола, я с мольбой сложил ладони у груди:

– Хадича, смилуйтесь...

– Сколько сможешь, – отрезала та и, уходя, улыбнулась загадочно. – Приятного аппетита!

После вагонно-ресторанной котлеты в районе позднего завтрака во рту не было и маковой росинки. Я оставил гостевое жеманство, перекрестился и *«пустил тройку под гору»!* Дома ешь, что хочешь, а в гостях, что велят!

Уплетая эти «разносолы», совсем не соблюдал очерёдности, потому как вкусным оказалось всё без исключений. Жмурясь от удовольствия и урча, как котяра, надкусывал манты, отирая салфеткой с подбородка горячий мясной бульон. Пожар и палево во рту от перца заливал ледяным виноградным соком из слезящегося хрустального кувшина. Чуть не до локтя облизал руки, пробуя есть плов по местным обычаям, щепотью. Потрескивало за ушами, словно невестомая стая райских стрекоз нимбом кружилась над головой.

Погрузиться в блаженство мешала лишь въедливая мыслишка – а с каких бы это вдруг щедрот, мил человек, тебе такие царские милости? Вроде бы простой курьер, каких пруд пруди? *«Курьеры, курьеры... Тридцать пять тысяч одних курьеров»!* Да простит меня Николай Васильевич Гоголь, но, может быть, и впрямь мою непроходную фигуру *«...совершенно приняли за главнокомандующего»?*

Когда понял, что сыт, и даже сверх всякой меры, отвалился на спинку стула и окинул взглядом стол. Было абсолютно понятно, что предложенному изобилию мной не нанесено и малейшего урона. Хадича, возможно, и не скажет ничего, но наверняка обидится. Но, помилуйте, чтобы это всё умять, мне в подмогу надо бы человек пять перманентно голодных солдат срочной службы. Вот таким подразделением мы бы справились всенепременно!

Встав из-за стола, оглянулся с тоской, словно хотел навсегда запечатлеть в памяти эту «скатерть – самобранку», задним умом понимая, что подобное может уже и не повториться. Не удержался, в прыжок вернулся и бросил в рот три крупные виноградины. Для послевкусия. Дотронуться до ручки не успел, как дверь распахнулась, и мы нос к носу чуть не столкнулись с молодой незнакомкой.

– Здравствуйте, – с поклоном посторонилась она, прижимая ладонь к груди. – Меня зовут Гулча. Я убраться.

– Слвж... – хрустнули во рту виноградные семечки и надо бы тут же провалиться сквозь землю от стыда. Сок вместе со слюной брызнул мне на белую футболку, как ни торопился я удержать этот фонтан рукой.

Словно безмозглый хомяк, стоял и тупо пережёвывал эти треклятые виноградины, растопырив в беспомощности мокрые пальцы и тарача глаза. Гулча сколько-то сдерживала смех, глядя на меня, но потом дала себе волю. Запрокинув голову в тибетейке, хохотала так звонко,

что я невольно присоединился. Мы смеялись, глядя друг на друга, понимая, что столь легкомысленное общение не приличествует людям малознакомым, но удержу не было никакого. Откуда-то взялся чернявый мальчуган годиков около пяти, вцепился в мамкину цветную накидку и недоумённо уставился на незнакомого дядьку. Женщина потрепала его по жестким вихрам и надела на него свою тубетейку, рассыпав по плечам роскошную копну волос. Хадича стояла невдалеке и тоже улыбалась, хотя вряд ли понимала, над чем мы так заливаемся.

– Бога ради, Гулча, извините, пожалуйста. Все так нелепо получилось. Пойду переоденусь. – Дёрнулся было к лестнице, но что-то заставило меня вмиг обернуться. Она смотрела мне вслед.

Взгляд её огромных голубых очей был необычайно серьёзен и неотступен. От недавней смешливости не осталось и следа. Темно-русые волосы пышной кружевной виньеткой обрамляли белокожее лицо европейских пропорций. Лицо, не имеющее ничего общего с повсеместной смуглой округлостью щёк таджикских девушек. Едва приметная полуулыбка и чуть склонённая голова делали её облик загадочным и, что настораживало, наглухо закрытым.

Представление славянина о красоте резко отличается от взгляда азиатского. Девушки южных или восточных территорий могут быть гжуче красивыми, но, например, русский мужчина всё равно предпочтёт яркой и выразительной азиатской внешности мягкую славянскую привлекательность. Лично моему представлению на этот счёт Гулча не только соответствовала, но и возводила его в восхитительную степень.

Проще и точнее сказал за меня поэт: *«Я красивых таких не видел...»*

Во взгляде её читалась какая-то неизбывная грусть, делающая всю легкую и статную фигурку с прижавшимся к ней сынишкой чуть ли не олицетворением нелегкой доли восточных женщин. Покорных, всепрощающих по вере, но гордых и непримиримых в душе. Скажу честно, я прогнулся под этим взором и, не найдя какого-либо выхода из такого положения, только и спохватился сказать:

– Меня Олег зовут. Приятно было познакомиться.

Поднимаясь, подумал: «Неужели русская? Однако, почему же Гулча?»

В апартаментах я ещё раз наскоро принял душ и разложил свои нехитрые вещички по приличествующим местам каждую. Стоп!

«А где иконка Спасителя, подаренная Машей?» – спрашиваю себя, и тут же с ужасом осознаю, что прекрасно знаю, где. В багажной сеточке для дорожной мелочевки она покачивается вместе с вагоном, должно быть, уже в сторону Москвы. Мною в поездной суете забытая. Да не забытая. А невестребованная и брошенная. Как вещь в вашей, Олег Николаевич, повседневности необязательная. Будьте же честны перед собой. Я корил себя за эту несобранность. Нет, решено! Утром непременно на раннюю литургию и покаяться батюшке в этом разгильдяйстве. Жаль, конечно, что исповедаться и причаститься не получится, не постился. Напротив, мяса напоролся сверх всяких приличий. Но небрежение к святыне, как серьёзный грех, следует открыть обязательно».

Немного успокоив себя *«благими намерениями»*, замечаю, что прихорашиваюсь перед зеркалом чересчур пристально. Причём прекрасно понимаю, почему это делаю.

Да, Гулча! До щекотки под сердцем мне не терпится исправить ту неловкость первого знакомства, и поэтому я прикладываю. И усилия, и нетерпение, и желание предстать перед нею в образе, напроочь исключаящем воспоминание о том нелепом инциденте. Рубашка, галстук с чуть опущенным узлом. Будто невзначай брошенная на лоб чёрная прядь. К лешему тапочки – туфли! Вдруг придётся проводить?

Небрежно барабана пальцами по перилам и вольно поводя плечами из стороны в сторону, аки бывалый мореход по трапу корабля, спускаюсь в холл и вижу...

Перед изразцовой глыбой давно не топленного камина в кресле сидит в дежурном одиночестве Хадича и вяжет разноцветный шерстяной носок. Я знаю, это джурабы. Толстые и высокие не то носки, не то гольфы, популярные в Средней Азии и на Кавказе. Заметив моё недоумение, хозяйка говорит именно то, чего слышать совсем не хотелось:

– Ушли домой. Это дочка моя и внучок, Бача.

Я усаживаюсь в соседнее кресло:

– Дочка? А мне почудилось, что она русская. Или это процесс этнической ассимиляции?

Простите мою бестактность.

– Как сказать, муж мой покойный был родом с Северного Памира. Из ваханцев, самой большой ветви населения Горного Бадахшана. А в этой народности течёт кровь восточных ариев. Персия, Иран, Пакистан... Много чего там намешано. Поэтому среди памирцев встречаются и русые с чёрными глазами, и чёрные, как смоль, но голубоглазые. Есть рыжеволосые. Сероглазые. Отличительно прямые носы и очень правильные черты лица, близкие к балтославянскому типу.

Вообще говоря, есть теория расселения народов, противоречащая официально признанной. За много лет до новой эры, до нашествия монголов на территории теперешних Казахстана, Узбекистана и Таджикистана в облике людей, населяющих эти края, монголоидной компоненты не было и в помине. Далеким предкам узбеков и таджиков выглядели почти как сейчас славяне. Мой Шабдан был писанный красавец и отчаянный гордец. Может поэтому и плохо кончил. Гулча многое унаследовала от его облика. А кроме облика и наследовать было нечего. Впрочем, это уже совсем о грустном. Олег, давай я подогрею чай?

– С удовольствием, уважаемая Хадича!

Завернувшись в хрустящие крахмальные простыни в своём алькове, я долго перебирал все детали нашей вечерней беседы, затянувшейся допоздна. Уютный сумрак, душистый травяной чай, внимательный собеседник и Хадича незаметно для себя раскрепостилась. Ей почти на физиологическом уровне требовалось выговориться, выплакать свою боль, освободить душу теми признаниями, которых ни за что не поведала бы знакомому или родственнику.

А ведь любой из нас знает, как это случается в поездах. Под мерный стук колёс выложишь, бывало, попутчику свою жизнь, не только всю без остатка, но даже и приврёшь с три короба в свою пользу, будучи уверен в том, что вот сойдёт твой собеседник на ближайшем полустанке и никогда вы с ним больше не встретитесь. Он не осудит, если и не согласится. Не поможет, так хоть посочувствует. Не сумеет ничего изменить, но хотя бы снимет и унесёт с собой какую-то часть душевного груза, так долго хранимого под запретом молчания.

Не мною придумана и не высосана из пальца проблема планетарного масштаба – дефицит общения. Разве только в России люди, живущие в одном подъезде, не общаются между собой, а порой и не здороваются? Этому есть надуманный резон – кто же здоровается с незнакомыми. Начисто упразднён элемент этикета прошлых веков:

«Поручик, вы же вхожи в дом баронессы? Ее внучка Лили... Умоляю, представьте меня ей!»! А главная заповедь, данная Спасителем – *«Да любите друг друга»*, разве не есть призыв к более тесному, почти родственному общению между людьми. Не потому ли в православии все прихожане братья и сёстры?

О своей нелёгкой судьбе и житейских горестях Хадича поведала немного, всякий раз оговариваясь, что так было угодно Аллаху. Больше всего болела её душа о дочке, а теперь и о внуке. Историю их семейства, конечно, не назовёшь счастливой, но что характерно, она типична! В ряду тысяч подобных. Как это не прискорбно.

Перескажу от лица собеседницы, что запомнилось.

Нашу свадьбу мне не забыть до конца дней. Мы смотрелись красивой парой. Шабдан всегда очень щепетильно относился ко всему, что касается манеры общения и внешнего вида.

Он недавно закончил юридический в Москве и имел хорошие перспективы в карьерном продвижении. Как молодой специалист получил небольшую, но благоустроенную квартиру, а через год Аллах подарил нам дочку.

Когда Гулча ещё училась в школе, грянула в республике гражданская война. Казалось бы, всё началось с протестного митинга коренного населения из-за выделения жилья армянским беженцам, хотя исламистскими боевиками давно готовились провокации против строя. Этот пожар разгорался всё сильнее и фундаменталисты, считай, опрокинули власть, заняв ключевые посты.

Едва Шабдан увёз нас с дочкой из города в кишлак к своим родственникам и вернулся домой, как попал в неволю и был угнан в Афганистан. Девушек и женщин там меняли на оружие, мужчин насильно обращали в боевиков, заставляя творить немыслимые зверства. Народ бежал от этой беды, куда глаза глядят. Заводы разграблены, коммуникации взорваны, экономика разрушена до основания, кругом голод, нищета, бесчинства и кровь.

Но всё на свете когда-нибудь кончается. Горестный итог подведён, ущерб и потери подсчитаны. Десятки тысяч вдов и осиротевших детей! Кто посчитает их неизбывное горе и слёзы? Чудом избежавший от боевиков коллега моего мужа рассказал, как погиб мой супруг. Я сама просила от него только правды. Пусть самой горькой.

Узнав, что они с Шабданом юристы, их представили одному из руководителей движения «Исламское возрождение». Предлагалось создать рабочую группу и участвовать в разработке законодательных документов, подтверждающих статус радикальной организации. Господствующим был девиз: «Пусть из трёх миллионов населения останется миллион, но только истинных мусульман».

И тут, видимо, коса нашла на камень – даже соблюдая уложения мусульманской веры, Шабдан всё – таки был аппаратным работником, чиновником от юриспруденции.

И стоял на принципах секуляризации, то есть был твёрдо убеждён в том, что политическая деятельность должна быть свободна от религиозного вмешательства. Его пытались принудить насильно, угрожая расправой. Но надо знать моего Шабдана! Добровольно встать на колени было выше его сил. А когда это сделала охрана, он плюнул переговорщику в бороду.

Есть таджикская поговорка – «Человек становится смелым, когда его дело справедливо».

Его скрутили, раздетого догола привязали к столбу и приказали всему отряду боевиков и пригнанным пленным оплёвывать подсудимого, не по разу проходя вереницей мимо позорного столба. Затем «претерпевший оскорбление» изошрённо расстреливал моего мужа. Сначала в ступни, в колени, в промежность. Бедняга от боли терял сознание, его отливали водой. Палачу было важно, чтобы обидчик не умирал, а мучился как можно дольше. В конце издевательств он приставил острое кинжала под сердце обречённого, мощным ударом ладони вогнал его в тело по самую рукоять и, не вынув клинка, пошагал прочь.

В душе у меня до сих пор прячется вопрос: «Как случилось, что коллега моего мужа остался в живых, а Шабдан погиб»? Но я не осмелилась задать его тогда, не решусь сделать этого и сегодня.

Хадича не плакала, обнажая боль незаживающей душевной раны, лишь скулы её обострились и осунулось лицо. Я пытался хоть как-то помочь ей отвлечься от горестных воспоминаний, переводя разговор на темы нынешних времён, но неумолимое течение обжигающей памяти снова и снова уносило её в прошлое.

Когда мы с дочкой вернулись в Душанбе, оказалось, что в нашей квартире давно живут чужие люди. Было трудно что-либо доказывать, перед нами просто захлопнули дверь. Спасибо работникам прокуратуры, там ещё помнили моего супруга. Нам помогли вселиться в жилище, которое и домом то назвать нельзя – то ли землянка, то ли мазанка, то ли дровяной сарай... Некоторым из вернувшихся вообще пришлось жить и спать на улице – много

домов было сожжено боевиками. Вот тут, жалея всем сердцем несчастных душанбинских беженцев, как не вспомнить с горькой улыбкой слова из вашей песенки: «Видно в понедельник их мама родила».

Долго ли коротко, обстановка начала стабилизироваться. Война закончилась и дочку снова удалось определить в школу. Гулча росла девочкой смыслёной и училась очень хорошо. Одно серьёзно беспокоило меня – она год от года становилась всё красивее. Ей не было ещё и пятнадцати, а мужчины уже не отводили от неё глаз. Это меня очень беспокоило, как и любую мать, пестующую единственного ребенка.

О своём вдовьем положении я и не говорю. Какой мужчина возьмёт на себя такую обузу – стареющая женщина, пусть и с высшим образованием, но без нормального жилья, без работы, с девочкой-подростком на руках? И опасения мои не были напрасными. Однажды дочку украли. Прямо с улицы забросили в машину и увезли. Я ополоумела от горя.

Снова кинулась к тем людям в прокуратуре, а они, видимо, понимали, чьих рук это дело. Всего лишь на ночь закрыли одного значимого человека в изоляторе, не отнимая у него мобильного. И утром следующего дня Гулча целой и невредимой была доставлена домой с извинительными уверениями, мол, произошла чудовищная ошибка.

Что это был за человек, мне знать совсем необязательно, но, думаю, у него, как и у прокуратуры было, по-видимому, чем произвести обоюдovýгодный обмен.

Когда Хадича в разговоре касалась бытовых подробностей, семейных отношений, многожёнства, родственных связей, законов мусульманской веры и строгой необходимости их соблюдения, я ощущал внутри некоторую оторопь. Было удивительно, как обыденно рассказывала она о вещах, порой жутковатых. Например, Аллах разрешает женщин бить, только при этом не ломать костей! А кто скажет, что в радикальных мусульманских общинах по всему миру полностью изжиты не только наказания плетьюми, но и, что за гранью разумного, казни? Не моё, конечно, дело осуждать уклад и обычаи другого народа, но иной раз мурашки пробежали по спине от рассказанных Хадичей местных историй.

Красноармеец Сухов из «Белого солнца пустыни» натурально заблуждался, говоря жёнам из гарема Абдуллы:

«Товарищи женщины! Революция освободила вас. Забудьте вы своё проклятое прошлое. Теперь вы будете свободно трудиться, и у каждой будет отдельный супруг. Вопросы есть? Вопросы нет!»

Вот только поспешил с обобщениями товарищ Сухов. Вопросы-то как раз никуда не подевались. До сего дня. Как говорится, ещё не выросла та яблонька, чтоб её черви не точили!

Незаметно подошло такое время, когда Гулча поняла, что пробил и её час. За ней стал ухаживать Сархат, известный сорвиголова и нередкий «гость» у правоохранителей. Она потеряла всякую осторожность и отказывалась слушать советы людей, близко знающих эту семью. Старший брат Сархата Нуруло занимал важный милицейский пост в Хороге. Человек очень влиятельный, авторитет его велик и в Душанбе. Возможно, поэтому младшенькому многое сходило с рук.

А потом, наблюдая за деятельностью Сархата, нетрудно было понять, что очевидное благосостояние семейства корнями глубоко в афганском наркобизнесе. Эта гостиница тоже принадлежит Нуруло. Я пыталась говорить с дочерью, хотела предостеречь её от опрометчивых поступков, но нет! Безоглядная страсть быстро переросла в нескладную семейную жизнь, которую от меня всячески пытались скрыть.

Нуруло отдал молодым свою двухкомнатную квартиру в Душанбе, что была преподнесена как махр, то есть свадебный подарок невесте. Этого требует наш закон. Быстро стало понятно, что мне там не рады. Изредка удавалось повидаться с дочкой где-нибудь на стороне. Время шло, родился Бача. Рейды Сархата в Афганистан становились всё более и более

затяжными, и однажды стало понятно, что он не вернётся. Гулча в слезах принесла мне письмо, которое ей передал Нуруло.

Сархат писал: «А жене моей, Гулче, передай от меня – Талак! Талак! Талак!».

По нашим законам это означает окончательный развод. Странно, но такой способ разрыва с семьёй стал теперь очень популярным у мужчин, уехавших на заработки в Россию. Вплоть до того, что шлют супруге на мобильник тройной «Талак» SMS-кой и спокойно устраивают свою жизнь на чужбине.

Родственники Сархата отвернулись от нас, и Гулча с ребёнком должна была освободить квартиру, подаренную старшим братом жениха. Осуждение было огульным, а мотивировка надуманной. Якобы, в отсутствие мужа супруга была ему неверна. Два с лишним года она вдовствует при живом муже. Нуруло, как человек неглупый, знал и понимал абсурдность обвинений, но выступить против семейного клана и любимого младшего брата, которого он повсеместно оберегал, оказалось выше его возможностей. Единственно, что он сделал, жалея нас как родственников, хотя и бывших, взял обеих к себе на работу в этот отель на окраине.

Моя обязанность готовить, Гулчи – уборка, стирка, глажка. Плюс посменное с ней же дежурство – дом должен содержаться в чистоте, порядке и находиться под постоянным надзором. Все остальные распоряжения по телефону. Вот такое, на данный момент, наше неустойчивое положение. Каждый день проходит в ожидании – а вдруг! Вдруг, не приведи Аллах, нам откажут в этой милости? Что тогда? Куда тогда? И, главное, за что нам это всё?

Грузу негатива, накопившемуся в душе моей собеседницы и доверительно мне открытому, так давно и насильственно не давалось выхода, что в конце разговора я различил нотки явного сожаления в голосе Хадичи. Что, может быть, излишне откровенной случилась эта беседа с человеком, практически чужим? По всем признакам, за какой ни возьмись.

Часы в когтях золотокрылого стервятника на каминной доске показывали далеко за полночь, и Хадича заторопилась, промокая глаза концом платка:

– Ах, дорогой Олег, наверное, много лишнего было тут наговорено, уж ты не осуди мою несдержанность. Хочу просить тебя, чтобы это осталось...

– Ну что вы, что вы, уважаемая Хадича, даю слово – всё умерло в этих стенах, уверяю вас!

Мне так хотелось её приобнять, чтобы она успокоилась и прочно удостоверилась в моём обещании, но тут же остерёгся. А позволительны ли такие манеры по отношению к мусульманским женщинам?

Хадича, собрав посуду, судорожно вздохнула и улыбнулась:

– Спокойной ночи, азиз Олег. По всему видно, что ты хуб, по-нашему, хороший, добрый человек. Сама не заметила, как выложила тебе всю нашу историю. Вот ты правильно тогда сказал, что годишься мне в сыновья, и я поведала тебе всё как любимому сыну. У тебя добрая и отзывчивая душа, Олег. Спасибо тебе.

– Думаю, вы преувеличиваете, досточтимая Хадича. Спокойной ночи. Бесконечно благодарен за вашу искренность и очень рад нашему знакомству.

Поднимаясь к себе по лестнице, я обернулся. Слушайте, что за манера у них такая? Хадича серьёзно и неотрывно глядела мне вслед. Пустые чашки позвякивали у неё в руках.

Ночью снилась залиvisto смеющаяся Гулча и я, поддавшись весёлому обаянию, подхватил её точёную фигурку на руки и закружил. Она смеялась, запрокинув голову и упираясь в мои плечи ладонями. Выпроставшись из слишком тесных объятий и отстранившись, мило улыбалась в смущении. Лишь влажные голубые глаза были необычайно серьёзными.

На рассвете молодым скворчком заверещали часы на руке. Я уже наловчился быстро считывать их обратный ход. Пора. Отворив окно, запустил в комнату тугую волну утренней прохлады. В отдалении призывно высился купол православного храма. Наскоро умывшись,

сбежал в холл, на ходу выправляя цепочку с завалившимся за спину крестиком. А! Ещё и ключик здесь. Правильно ли так? Ладно, возвращаться не будем, сниму потом. Свежевымытый пол чуть отдавал хлоркой.

Но что это? Вот так номер! Входная дверь была заперта и впечатляла своей неподатливостью. Без какой-либо надежды подергав ручку и постучав в этот монолит костяшками пальцев, оглянулся по сторонам:

– Хадича! Хадича-а! – Вязкая тишина была мне ответом.

Скользнув взглядом по зарешёченным окнам первого этажа, я взлетел, шагая через две ступени, на второй. Из открытого окна своей комнаты сигать было высокогато и опасно. Даже повиснув на руках и держась за подоконник, мне не спрыгнуть без риска напороться на металлический садовый заборчик, огораживающий длинную цветочную клумбу, тянущуюся по периметру всего здания. Очень кстати будет ещё и ноги поломать, будучи заброшенным за тысячи километров от дома! Может быть, хозяйка где-нибудь во дворе?

Вдалеке мерными тугими ударами открывал утренний церковный перезвон заглавный колокол. Понимая, что к началу литургии безнадежно опаздываю, я высунулся из окна по пояс, и обречённо крикнул в гулкую рань заднего двора:

– Хадича-а!

И вот тут... Из увитой зеленью и ещё полной утренних сумерек беседки вышел молодой мужчина в светло-бежевом костюме. Он был высок, смугл, черноволос, элегантен и немного манерно держал на отлете руку с мундштуком жёлтого янтаря, в котором тлела тонкая сигарета. На его выразительном лице аскетических пропорций застыло досадливое выражение. Создавалось впечатление, что я своим возгласом прервал какие-то глубокие его размышления, чем вызвал... типа: «Ну что там ещё, честное слово!».

– Прошу прощения... Тут маленькая незадача... Дверь, знаете ли, заперта, а хозяйка, по-видимому... – залепетал я, ступешавшись от неожиданности появления загадочного фигуранта.

– Желаете выйти? – спросил он бархатным баритоном диктора TV, подходя всё ближе. – Может быть, стоит подождать? Хадича вот-вот вернётся.

– В том-то и дело, что я не могу ждать, я опаздываю. Мне очень надо!

Незнакомец проложил мундштук между большим и указательным пальцами левой руки и громко хлопнул ладонями. Дымящийся окурочок пулей врезался в траву. Придавлив его лакированным острым мысом бежевой туфли, сунул янтарный аксессуар в нагрудный карман и медленно поднял на меня глаза. Во взоре читалась какая-то бездонная тоска и полное безразличие к происходящему. Он даже развел в стороны руки, уже намереваясь смирить меня с созданным положением. Ничего, мол, не поделаешь...

Похоже, его одолевали какие-то неведомые сомнения. Расстегнул пиджак и достал из внутреннего кармана массажную щётку. В раздумье тщательно прочесал иссиня-черные волосы и, дунув расческе в металлические зубья, положил обратно. Скрестил руки на груди. Кашлянул. Все эти бестолковые манипуляции, надо думать, помогали ему сосредоточиться. Выдержав тягостную паузу и прикинув, достоин ли я того, чтобы получить хотя бы толику его участия, решил:

– Ну, что же. Если вы настаиваете, делайте так. Ступайте в другое крыло коридора, туда, где хозяйские апартаменты. В торце имеется окно, а рядом с ним, по наружной стене, пожарная лестница. По ней и спускайтесь. Только будьте осторожны, она не до самой земли...

Не дослушав, я рванул из комнаты и полетел, едва касаясь ковровой дорожки. Подгоняла какая-то неясная тревога, словно бы мне ребёнком пришлось очнуться одному в пустой и тёмной комнате. Нужно как можно быстрее вырваться из этого замкнутого пространства. И если это не клаустрофобия, тогда что же, скажите вы мне?

Окно представлялось каким-то отдельным и даже несколько лишним элементом довольно скучного коридорного интерьера. Оно было наглухо задрапировано тяжёлыми темно-бордовыми портьерами, стянутыми понизу витыми декоративными подхватами с золотыми кистями. От резной деревянной гардины нависал полукруглый складчатый ламбрекен чуть более светлых тонов. Ладони мои ощутили благородство натурального бархата. Потянув приводной шнур, развёл шторы по сторонам.

Оконная рама чётко поделена на небольшие одинаковые квадраты со вставками из непрозрачного стекла волнистой структуры. Обычно такие непроницаемые окна неминуемо хочется тут же отворить и немедленно увидеть сокрытое за пеленою таинственности. Что, собственно, и было сделано. Запорные шпингалеты легко вышли из гнезд, створки мягко распахнулись вовнутрь и я, ухватившись за перила металлической лестницы, ловко перекинул ноги с подоконника на скользкие от росы ступени.

Спускался уверенно но, когда одна нога повисла в воздухе не найдя опоры, мгновенно осознал чего не дослушал, убегая. Лестница обрывалась, а пальцы рук под тяжестью тела неумолимо разжимались, сползая с круглых и мокрых перекладин. Отчаянно суча конечностями, как допризывник на турнике, бесформенным мешком с пресловутым содержимым я гулко приземляюсь на чужую и неприветливую землю.

– Ай-я-яй! Ну, что же вы так, милейший? Я же вас предупреждал. Давайте, помогу!

Этот полушутливый снисходительный баритон меня раздражал, ибо ситуация, в которой я оказался, к веселью не располагала никак. Отмахнувшись, пробовал подняться сам. Однако, не тут-то было! Боль острой спицей вонзалась мне в бедро. Не сам ли накаркал себе перелом?

– Ну, давайте же руку, право, – смеясь, говорил незнакомец, протягивая ладонь.

Когда он улыбается, на одном из передних зубов, немного слева, вспыхивает голубою искоркой крохотный драгоценный камешек. По всей видимости, сколок огранённого алмаза величиной со спичечную головку. Бриллиантовый скайс, изящно вмонтированный, как сказал бы любой дантист, в левую двойку.

– Скрепим мужским рукопожатием наше знакомство. Лентул Баракелов, если позволите.

Боясь испачкать его светлый костюм, принимаю сильную, горячую ладонь. Так, рука в руке и прихрамывая, ковыляем до садовой скамейки. Подсобив мне угнездиться, новый знакомец снова тянет из нагрудного кармашка массивный янтарный мундштук. Отломив фильтр от длинной сигареты, заправляет её в золочёный ободок и, прикурив, выдыхает в прохладу утра дымную струю:

– Предвижу ваше недоумение на мой счёт. Да, я довольно частый постоялец в отеле Нуруло. Разъезды, встречи, командировки, не мне вам рассказывать, сами, небось, досыта хлебнули командировочной жизни.

– Почём бы вам знать, неизвестный прохожий?

– За командировочным человеком тянется неуловимый флёр казённой озабоченности, а на лице лежит печать излишней настороженности. Если внимательно присмотреться, определить нетрудно.

– А я вот напротив, грешным делом, принял вас за столичную гастролирующую знаменитость. – Мне до зуда в дёснах хотелось его уколоть.

– Отнюдь. Вы склонны излишне доверять первому впечатлению. А ведь взахлёб любимый всей российской интеллигенцией писатель Булгаков предупреждал:

«Вы судите по костюму? Никогда не делайте этого. Вы можете ошибиться и весьма крупно». И потом, вы так и не представились, смею любопытствовать.

– Олег, – выдавил я, потирая бедро, – Некрасов Олег Николаевич. Только к чему весь этот официоз? Мы, похоже, ровесники. Можно, наверное, на «ты» и по именам, нет?

– Без возражений, – он протянул ладонь, и я снова подивился, насколько она горяча. Хлопнула калитка и на наши голоса вышла Хадича, держа за руку ещё не до конца очнувшегося, сонного Бачу.

– О, а вот и наша хозяйюшка, – вскинулся новый знакомец. – Уважаемая Хадича, простите великодушно, самую малость было бы подождать, но вот Олегу нужно было срочно...

– Не надо говорить за меня, как за глухонемого, – оборвал я его, вставая и разминая ногу круговыми движениями. Скрывать раздражение от его тесного соседства получалось с трудом. Одно думалось – «Что б ты пропал», или что-нибудь наподобие этого.

– Хадича, дорогая, не сердитесь пожалуйста, хотел успеть на раннюю литургию в храм, а дверь оказалась... Пришлось через окно, но, как видите не совсем удачно приземлился. Простите ещё раз.

– Ну что ты, что ты, Олег, – разволновалась она, – это я должна извиняться. Надо было оставить хотя бы записку, но мне и в голову не могло прийти, что ты проснёшься так рано. Решила, что успею сбежать за внуком. Дочка собиралась сходить на рынок за продуктами, а с этим пострелом разве можно, за ним нужен глаз да глаз. Может, всё – таки вызвать «Скорую»?

– Нет, нет, спасибо, уважаемая, просто ушиб и боль уже проходит.

– Главное, чтобы всё обошлось. Вдруг трещина? Может быть опасно...

– Не стоит беспокоиться, всё хорошо, – успокаивал я её, попутно растирая ладонью грудь, ушибленную своим же коленом при падении.

– Не знаю, в любом случае не мешало бы сделать снимок. Или хотя бы приложить холод. В морозилке есть лёд, – проговорила Хадича и увела зевающего Бачу в дом.

Однако, стоп, машина! Не нашариваю под рубашкой ни крестика, ни притороченного к цепочке ключика от секретера! Я затравленно шарю глазами вокруг себя и холодею от дурного предчувствия.

– Ну, если всё хорошо, Олег, я позволю себе откланяться. – Лентул застегнул пиджак и протянул мне руку. – Отбываю ненадолго в Новосибирск. Дела, дела. Куда от них? Окончательно не прощаюсь, надеюсь на новые встречи. Был сердечно рад нашему знакомству.

Перед тем, как повернуть за дом, Лентул оглянулся и ещё раз сверкнул в прощальной улыбке своей бриллиантовой конкрецией.

Вприпрыжку, остерегаясь наступать на ногу, я поспешил к месту «аварийной посадки». Порванную цепочку увидел сразу. Но ключик!?

В раненом качестве присесть на корточки оказалось сложно, а взять и сесть на траву известным местом, жалко штанов. Пришлось вспомнить одно упражнение из комплекса утренней гимнастики: выбросив перед собой «пистолетом» ушибленную ногу, с усилием присел на здоровую. Так и стал елозить, разгребая осторожно траву. Вот и ключ! От сердца отвалилась липкая плёнка, сжимавшая его в судорожной тревоге. Крестик же себя не проявлял. Покрутившись ещё немного на затекающей ноге, от поисков отступился. Потом поищу попристальней. В другом случае куплю в церковной лавке новый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.